

ЮРИЙ СОКОЛОВ

СТЕПЕНЬ
ПРЕВОСХОДСТВА

16+

Юрий Соколов
Степень превосходства

«ЛитРес: Самиздат»

2010

Соколов Ю.

Степень превосходства / Ю. Соколов — «ЛитРес: Самиздат»,
2010

Объединившееся человечество успешно осваивает Большой космос и доминирует в нем. Доступ к ресурсам тысяч планет и отсутствие конкурентов обеспечивают небывалое могущество цивилизации. Но люди чувствуют себя королями Вселенной лишь до тех пор, пока природа им это позволяет. На планете Тихая, на окраине Галактики обитают животные, потенциал которых в начале эволюционного пути выше, чем вся сумма достижений человечества, и столкновения с ними избежать не удастся. Кто победит – люди с их техникой или животные, готовые стать богами? На чьей стороне превосходство?

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	13
Глава 3	20
Глава 4	25
Глава 5	28
Глава 6	35
Глава 7	43
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Глава 1

Конечно, это был всего лишь сон. Заурядный ночной кошмар из тех, которые время от времени заставляют нас просыпаться в холодном поту и с чувством большого облегчения, что все произошло не на самом деле.

Но мне до пробуждения оставалось еще далеко, поэтому я пока стоял на сумрачной душевной прогалине в джунглях и смотрел в налитые тупой злобой глаза жуткого, невероятного зверя, каких на свете нет и не может быть. Его шерсть переливалась всеми оттенками огня, он словно горел не сгорая; а больше здесь никого не было, потому что все, кто пришел сюда со мной, или уже умерли, или умирали сейчас.

Нет, не все. Где-то сзади и сбоку слышались короткие стоны вперемешку со всхлипами – там Кэт, с перебитым позвоночником, почти разорванная пополам, кое-как подтягиваясь на руках, медленно и мучительно ползла туда, где валялась ее винтовка.

– Стреляй, Пит, стреляй! – еле слышно хрипела она. – Убей его, убей, бога ради!

Но я не мог стрелять. Для этого следовало бросить винтовку с пустым магазином, выхватить из кобуры пистолет, снять предохранитель, нажать на спуск, – а зверь находился от меня на расстоянии в один прыжок, и он был готов. Я видел оскаленную пасть, напряженные до отказа мускулы, мощные лапы с кривыми когтями; видел трупы вокруг, истоптанную и залившую кровью траву, россыпи стреляных гильз; я видел... видел... видел...

Сначала я ничего не увидел – кроме темноты, окутывавшей меня со всех сторон, потом начал понемногу соображать.

– Свет! – крикнул я, без особого успеха пытаюсь выпутаться из простыни. Крикнул, должно быть, излишне эмоционально, потому что освещение разом врубилось на полную мощность. Пришлось зажмуриться.

– Вы не настроили программу снов, – с упреком промолвила Полли, сбавляя яркость до приятного полумрака. – И не велели вас будить.

– Знаю, знаю.

Я сбросил наконец простыню, спустил ноги на пол и огляделся. Уютный и безопасный номер отеля «Козерог», панорамное окно во всю стену, причудливый кристалл макроинформера в углу. Я на Безмянной, которую по-другому называют еще Планетой охотников, – здесь нет никаких джунглей, а все животные содержатся исключительно в клетках. Кэт у себя дома, на Земле, за тысячу световых лет отсюда, и тоже в полной безопасности. Полли где-то рядом – может, в потолке, а может, в начинке одной из стен, – охраняет мой покой, как и положено бравому киб-мастеру¹. И не ее вина, что иногда не получается.

– Говорила мне бабушка – всегда настраивай программу снов, – усмехнулся я.

– Ваша бабушка абсолютно права, мистер Дуглас! – радостно согласилась Полли. Как и у любого киб, у нее было плохо с чувством юмора. – Настроить?

– Да нет, не нужно. Кстати, это просто присловье такое.

Пару секунд Полли переваривала поступившую информацию, потом до нее дошло:

– Хотите, я добавлю это выражение в свой повседневный словарь?

Я представил, как все оставшиеся четыре дня моего проживания в отеле Полли без конца поминает бабушку, и содрогнулся.

– Не стоит. Лучше пошли «жучку» за свежим апельсиновым соком.

¹ Киб-мастер – искусственный интеллект, предназначенный для управления системами жизнеобеспечения жилища или космического корабля.

Откуда-то из-под кровати вынырнул робот обслуги, больше всего похожий в этот момент на маленький танк без башни, трансформировался в сервировочный столик и покатил к двери.

Через минуту он появился снова, дождался, пока я заберу стакан, затем опять трансформировался – на сей раз в нечто, описанию не поддающееся, – и принялся перестилать постель. Я не торопясь выпил сок, отверг настойчивые приставания Полли на счет того, чтоб сделать мне массаж, забрался под свежую простыню и почти сразу отключился.

Горячий напористый ветер гнал пыль по безлюдным в этот ранний час улицам Уивертауна. Вчера было прохладно, однако ночью погода испортилась и на город нанесло кхан-пун – злой суховея из Мертвой пустыни. Температура все поднималась, небо приобрело желтовато-серый оттенок, а над еле видимыми в дрожащем жарком мареве Черными горами висела огромная мрачная туча, изредка озаряемая вспышками молний пока еще очень далекой грозы.

Конечно, я знал, что творится на улице, – Полли не преминула сообщить прогноз, – однако отменять свою традиционную утреннюю прогулку не захотел. Мозги прочищает, хороший аппетит гарантирован, можно привести в порядок мысли, наметить самые необходимые дела на день. Но самое главное, мне не давал покоя чертов кошмар. Хотя остаток ночи я провел спокойно и встал бодрым и отдохнувшим, обрывки неясных видений все еще бродили в голове, а в душе время от времени поднималось смутное тревожащее чувство. В этом своем кошмаре я как бы раздвоился: одну половину меня трясло от страха, ярости и желания бороться за свою жизнь, а вторая спокойно наблюдала за этим со стороны. Состояние было ни на что не похоже – уж чем я никогда не страдал, так это раздвоениями. Даже во сне. И теперь мне страсть как хотелось прочувствовать свою цельность и насладиться ею. Поэтому, выйдя из отеля, когда остальные постояльцы еще глаза продирать не начинали, я взял курс прямо по Крокет-стрит на восточную окраину города – туда, где плато Уивер огромными ступенями, похожими на лестницу великанов, спускалось вниз, к морю.

Помимо пугающего своей реалистичностью сна, у меня были поводы для беспокойства и посерьезнее.

Шел уже одиннадцатый день ежегодного конгресса ООЗ², а у нас на руках не было еще ни одного заказа. Кризис, пятый год терзающий экономику Федерации, докатился наконец до нашего бизнеса и сразу накрыл его с головой. Пострадали даже фирмы, занимающиеся организацией сафари, хотя сафари традиционно считалось делом беспроектным. Что же касается звероловства, то тут дела шли совсем плохо, а ведь как раз им мы и занимались – я и мои компаньоны.

Заварила всю эту кашу, конечно, Кэт: она всегда заваривала кашу везде, где бы ни оказалась. Потом к ней примкнул я, и уже вместе мы втащили в дело Крейга Риеру – бывшего охотника, нашего общего старого знакомого, который к тому времени ушел на покой и возвращаться в бизнес по доброй воле не хотел. Немного позже к нам присоединился Рик Эдвардс, по кличке Малыш-на-все-плевать, после чего сплоченный коллективчик психов, вздумавших открыть новую звероловную фирму в то время, когда нормальные люди закрывали старые, был готов к действию.

Добравшись до моря, я понаблюдал за прибоем, потому что больше смотреть было не на что. Как, собственно, повсюду на Безымянной – если только ты не любитель пустынных пейзажей. Кое-какая жизнь здесь существует только в воде, да и ее можно увидеть лишь под микроскопом. Казалось бы, охотники со всей Галактики могли подыскать для своей столицы мир с чуть более разнообразной флорой и фауной, но объясняется все просто – на самом деле Безымянную никто специально не выбирал. Кто-то первым устроил здесь перевалочную базу,

² ООЗ – Общество охотников и звероловов.

кто-то отсиживался, скрываясь от преследований УОП³ после незаконного отлова. Слухи об удобном плато на безлюдной планете, в пещерах под которым можно без проблем спрятать хоть сотню зоопарков, быстро распространились среди охотников. Потом капитан Уивер построил первые нормальные вольеры для животных и основал город; потом все это пришлось оборонять от «зеленых бригад» и головорезов из Лиги защиты природы; потом началась Большая галактическая война, отрезанная от Федерации Безымянная временно превратилась в независимую державу, и охотники оказались вынуждены экстренно налаживать полноценное планетарное хозяйство, чтобы не помереть с голоду.

На берегу оказалось ничуть не прохладнее, чем вдали от него, и я повернул назад. Чем выше поднималось солнце, тем невыносимей становилась духота; мокрая от пота рубашка прилипла к спине, а кровь, кажется, дошла до точки кипения. Я решил, что достаточно размял ноги и, дабы не умереть в следующие несколько минут от теплового удара, завернул в ближайший бар – там, по крайней мере, были кондиционеры и холодное пиво.

В просторном зале было совсем пусто, а за стойкой сидел всего один человек. Ничего особенного, если не приглядываться – ежик светлых волос, в которых густая седина была почти не заметна, большие руки, покатые плечи, приличное брюшко. Вот только взгляд серых глаз, похоже, мог просканировать человека на клеточном уровне.

Я взгромоздился на табурет, оставив между собой и этим субъектом пару свободных мест, продиктовал киб-мастеру номер своего депозита и дружелюбно улыбнулся глазку идентификатора.

– Что желаете? – спросил невидимый бармен бесстрастным «электронным» голосом.

– Для начала поменяем тебе болталку, – сказал я.

– Нисколько не возражаю, – буркнул субъект. – Тоже рад тебя видеть, Пит.

– Что желаете? – повторил бармен, на этот раз куда более приятным голосом молодой девушки.

– Пива, – сказал я и повернулся к своему соседу: – Извини, Джош, что сразу не заметил тебя – столько народа вокруг, еле пробился к стойке.

– Очень смешно.

– Надеюсь.

– Какое пиво предпочитаете? – осведомилась «девушка», вежливо подождав, пока мы договорим.

– «Гиннес», – ответил я. – А почему ты всегда выбираешь «электронного» бармена, Джош?

– Не только бармена. У меня и дома киб-мастер так настроен...

– Наверно, именно поэтому от тебя ушла жена.

– ...и главный киб моего корабля...

– Команда тоже скоро разбежится.

– ...а также мой личный киб-секретарь.

Тут мне оказалось нечего сказать.

– Мне нравится заведомо искусственный голос, – продолжал Джош. – Он настраивает на деловой лад. А все прочее только расслабляет. Если ты склонен забывать, что робот – это робот, то рискуешь в пьяном виде трахнуть барную стойку. – Он одним духом опрокинул в рот то, что еще оставалось в его кружке. – Повторить.

Из-под стойки вынырнул манипулятор, поставил перед Джошем полную кружку и забрал пустую. Быстрота, с которой обслужили моего визави, свидетельствовала о том, что операция повторялась далеко не однажды за сегодняшнее утро.

³ УОП – Управление по охране природы.

– Как понимаю, именно ради настроя на деловой лад ты решил нализаться ни свет ни заря? – спросил я.

– Нет, не поэтому, – ответил Джош. – Собрался помянуть покойника, но пришла новость, что он воскрес.

Мне захотелось поинтересоваться, по какому из двух поводов горе, потому что ответ был неочевиден. Однако я удержался и спросил:

– Кто-то из наших?

– Да. Причем из самых. – Джош вскинул на меня свой сканирующий взгляд. – Это Берк.

– А что стряслось? Он, вроде, ушел в прошлом сезоне в Андромеду?

– Четыре его корабля пошли. А сам он отправился на Тихую.

– Там же заповедник.

– Берк добился разрешения в УОП.

Я с недоверием уставился на Джоша.

– Но это же заповедник А-категории. Туземцы, зачатки цивилизации... Комитет по контактам.

– Берк добился и разрешения Комитета тоже.

– А что ему понадобилось на Тихой? Там ведь ничего интересного нет.

– Берк считал, что есть. Он хотел отловить рэдвольфа.

– Кого?.. – не сразу сообразил я. – Ну, знаешь... Рэдвольф – всего-навсего миф, сказка тамошних туземцев...

Я запылся и почувствовал, как по спине пробежал холодок. Рэдвольф... Монстр с огненной шерстью... Конечно, я слышал легенду о нем, да забыл, поскольку не верю в легенды. Но когда чужая легенда вторгается в твои сны, а потом первый встречный заводит разговор о ней же, это хороший повод вспомнить.

– Что такое? – насторожился Джош.

– Да ничего, просто с жары сел прямо под кондиционером, – сказал я.

Он, конечно, мне не поверил. Но виду не подал.

– Ты рассказывай, рассказывай, – подбодрил я его. – Особенно мне любопытно, на каком основании уповцы выдали Берку лицензию.

– На основании полученных денег, – сказал Джош. – Берк дал кучу страшных обязательств, что ни одно другое животное, не говоря о туземцах, он и пальцем не тронет. А раз рэдвольф с точки зрения науки не существует, значит – охотиться на здоровье!

– Замечательно. И чем кончился сей гениальный проект?

– Маяк корабля Берка замолчал на двадцать первый день пребывания его команды на планете. В СОЗ⁴ подумали, что Берк сам его отключил, чтобы выйти из-под наблюдения и вдоволь пошалить. Может, так оно и было. Он не выходил на связь две недели. Смотрители уже готовили ему теплую встречу на орбите, но развязка оказалась не такой, как они предполагали. Берк был обнаружен совершенно случайно учеными ННЦ⁵ «Тихая», высадившимися на планету для каких-то там наблюдений. Ребята ударили в набат, СОЗ включила систему поиска, но ни черта не обнаружила. Экипаж Берка пропал вместе с кораблем, а сам он находился в состоянии психической комы и ничего рассказать не мог. УОП запросило у правительства помощь ВКС⁶ для высадки десанта, но тут вмешался Комитет по контактам и зарубил идею на корню. Мол, охотники знают, на что идут, риск – неотъемлемая часть их профессии, а широкомасштабная наземная операция будет неэтична по отношению к местному населению.

– Это каким же образом? – удивился я.

⁴ СОЗ – Служба охраны заповедников. Одно из подразделений Управления по охране природы.

⁵ ННЦ – независимый научно-исследовательский центр.

⁶ ВКС – Военно-космические силы Земной Федерации.

– А таким, что если туземцы станут слишком часто наблюдать всякие там летающие колесницы и богов, спускающихся с небес, это может привести к нежелательным перекосам в развитии их цивилизации.

– Очень интересно. Значит, когда уповцы выпускают на планету-заповедник банду Берка, не забыв взять с них деньги за отлов того, кого поймать нельзя, это этично, а...

– Не будь ребенком, Пит. Управлению в связи с кризисом урезали финансирование. Наш местный офис совсем зачах, а тут им, словно манна небесная, сама валится в руки изрядная сумма. Да разве они могли устоять?

– Ну ясно... А дальше?

– Берк чуть не откинул копыта. Сейчас лечит нервы в санатории на Ульмо. Остальные его люди вернулись из Андромеды с неплохим уловом и без потерь.

– И что, по-твоему, случилось на Тихой? – спросил я. – Она ведь потому так и называется, что там ровным счетом ничего не происходит со времени ее открытия.

– А черт его знает. Иногда даже самые спокойные планеты таят в себе сюрпризы. – Джош нервно заерзал на стуле – верный признак того, что он собирается встать. – Знаешь, мне, пожалуй, пора. Уже пару часов здесь сижу, задница болит.

– Да и неплохо тебе будет уйти отсюда до того, как ты вылакаешь все пиво, – согласился я. – Владелец бара и так уже поправил дела благодаря твоему посещению.

– Трепло, – беззлобно отозвался Джош, и мы вышли на улицу. В лицо дохнул горячий воздух пустыни.

В городе наметилось некоторое оживление. На тротуарах виднелись пешеходы, по дороге в обе стороны проносились редкие пока машины, в воздухе над нашими головами промчалось аэротакси. Джош пошел прямо, а я свернул в сторону «Козерога» и, войдя в холл отеля, направился напрямик в ресторан. Сразу заметил в зале пару – тройку знакомых, но подходить не стал, только кивнул издали и занял столик подальше от них. Чертовски хотелось есть, а разговоров уже хватит на сегодняшнее утро. Уплетая яичницу с беконом – настоящую, никакую синтетику в Уивертауне принципиально не признают, – я чувствовал, как настроение мое стремительно улучшается. Пожалуй, ничто не создает в жизни больше проблем, чем пустой желудок. Разве что женщины.

Поднявшись в номер после завтрака, я уселся в рабочее кресло, включил суггестор и стал просматривать отчеты охотников о последних экспедициях в самые разные районы Галактики и за ее пределы. Полли сотворила из одной стены экранон, связалась с главным киб-мастером Общества и подавала информацию, время от времени гоняя «жучку» в бар на этаже то за кофе, то за апельсиновым соком.

Просмотр отчетов – как раз то занятие, за которое можно возненавидеть профессию охотника в кратчайшие сроки. Когда смотришь художественный фильм, ты тоже практически живешь в нем, – но там-то усилиями его создателей все как раз и приспособлено для жизни, причем интересной. А вот когда дело касается документальных неотредактированных материалов о работе в почти не исследованных мирах, и тебе грузят из хранилища все подряд, включая самые поганые свойства окружающей среды, тут уже не до шуток, особенно если на очереди отчет команды неудачников. В нем десять или двадцать раздолбаев на протяжении нескольких месяцев вляпываются в неприятности то по переменке, то все сразу, и ты вляпываешься в то же самое вместе с ними, причем в предельно сжатые сроки. Конечно, киб-мастер бережет твою психику как может, фильтруя материал и на лету отсеивая все, что не представляет профессионального интереса, а это девяносто девять процентов массива. Однако сами миры все равно моделируются по записям камер и накопленным приборами экспедиций данным. И если какие-то парни из ООЗ решили заняться отловом чертей в аду, то включая их отчет, ты попадаешь в ад. А в нем сплошь и рядом не эти парни охотятся на чертей, как было задумано, а наоборот. И то, что киб-мастер из всего потока событий отобрал для тебя только

самые интересные и острые моменты, ничуть не радуется. Но что ж делать – если хочешь получить самую свежую информацию, другого пути нет.

Время от времени я давал себе короткий отдых – прерывал сеанс, и Полли превращала комнату то в светлую, пронизанную лучами солнца рошу, то в кусок морского побережья. Над моей головой успокаивающе шелестели березы, а накатывающие на пляж виртуальные волны разбивались у самых моих ног, очень правдоподобно шурша ненастоящими камушками. Эти жалкие миражи не шли ни в какое сравнение с внушенными, но до ужаса правдоподобными мирами суггестора, однако они странным образом успокаивали. По окончании отчета об охоте на каких-то кровожадных чудовищ в ледяных торосах планеты Ахав, Полли устроила мне передышку на мирной ферме в тропиках Весты, а после экспедиции в непролазные болота Бундеша дала насладиться ароматами бескрайних цветочных полей Омфалы.

Три часа я работал, стараясь убедить себя, что это и есть самое главное, а всякие сны, встречи в барах и легенды ничего не значат. Однако любопытство свое взяло, и я велел Полли найти в архиве материалы по Тихой. Она нашла: материнская звезда – Эос, планета земного типа, экосистема – то же самое, биокоррекция перед высадкой не требуется...

– Пропусти общую информацию, – сказал я. – Просто покажи пейзажи местности, конкретно – тропические леса.

Полли выдала тематический видеоряд. Уже через минуту я велел ей закончить: несомненно, это были те самые джунгли из моего сна.

– Теперь покажи рэдвольфа.

– Секундочку... Ничего нет.

– Поищи термин в разделе современных спейс-легенд. И соотнеси...

– Нашла! В мифологии туземцев это Великий Бог Айтумайран. Доступно сорок семь фотографий.

– Да-а-а? – удивился я.

А зря. Это оказались всего лишь снимки разрисованной кожи с изображением бога Тихой, а вовсе не фотографии его самого. В другое время от души посмеялся бы над собой, но не теперь. Рисовали туземцы отлично. Конечно, тот самый монстр с огненной шерстью. На некоторых рисунках он стоял на задних лапах. На одном рисунке в его теле торчало копье. Рассмотрев Айтумайрана во всех подробностях, я начал понимать, почему склонные к упрощениям земляне прозвали его рэдвольфом. Он действительно чем-то походил на огромного волка – впрочем, сходство было весьма и весьма отдаленным.

– У этих туземцев что – единобожие? – спросил я.

– Нет, – ответила Полли. – Они верят еще во множество богов айту. И в духов халу. Показать?

– Ну их. Лучше найди отчет о происшествии с Берком.

– Вот...

В нем не было ничего такого, чего бы я уже не знал из разговора с Джошем. И я мог бы поклясться, что отчет здорово почистили.

– Соедини-ка меня с архивом напрямую, – попросил я.

Полли выполнила указание, и передо мной возникло великое и могучее дерево файлов информатория ООЗ, каким его видят кибы. Оно напоминало баньян вселенских размеров и уходило корнями во времена Большой войны, независимости Безымянной, и еще глубже – в эпоху «дикого» освоения космоса. Но меня интересовала лишь скромная веточка этого дерева.

После получаса внимательного изучения я пришел к выводу, что и весь архив по Тихой почистили тоже. Мой брат Майк с детства увлекался электроникой, и я знал по теме немало такого, о чем в школе не расскажут. Конечно, я не он, однако... Вот черт, был бы здесь Майк, он бы точно сказал, чистили архив или нет.

Я отключил суггестор и призадумался. Это кем надо быть, чтобы влезть в информаторий ООЗ и хозяйничать там по своему произволу? В то, что ООЗ просто приказали удалить файлы, я не верил. Общество не удаляло из информатория ничего и никогда, ведь любая информация могла оказаться жизненно важной для охотников, отправляющихся на те или иные планеты. Свято блюдя интересы своих членов, ООЗ не пасовало ни перед кем, включая УОП, ККВЦ⁷ и правительство Земной Федерации.

Везде какие-то загадки! Джош в разговоре со мной тоже явно о чем-то умалчивал...

Я почувствовал, что начинаю уставать от таинственности, но еще больше – от долгого сидения на одном месте. Да и время обеда уже подошло. Закрыв номер и поднявшись на лифте до тридцатого этажа, я вышел через раздвижные двери в конце коридора на посадочную площадку, взял аэротакси, задал киберпилоту маршрут и отправился к Дагену.

Сигнал о запросе к архиву ООЗ по Тихой поступил на анонимный макроинформер в пустом особняке на окраине Уивертауна и ушел с него на такой же анонимный ретранслятор, не числившийся ни в одной из Галактических сетей. Киб-мастер с безликим порядковым номером вместо имени проанализировал поступившую информацию, нашел ее заслуживающей внимания и сделал несколько запросов по закрытым каналам связи. Дальше сформированный на основе полученных данных информпакет, снабженный цифровой подписью фиктивного отправителя, передавался по цепи обычных ретрансляторов, пока не попал к адресату – бесцветному человеку в очках, занимавшему скромный кабинет в здании Сиднейского института сравнительной анатомии человекообразных.

Институт был небольшим; все сотрудники знали друг друга не только в лицо, но и по личным качествам. Однако никто из них не смог бы сказать ничего определенного о хозяине кабинета – кроме того, что он появился тут недавно и занимался гориллами Фостера с Тихой. Тема среди специалистов считалась гиблой по многим причинам, но главная проблема состояла в недоступности самих объектов изучения. За все двести лет, прошедших с момента открытия Тихой, еще никому, включая покойного Фостера, не удалось толком наблюдать жизнь горилл в естественной среде. Впрочем, в неестественной тоже. Потому что ни поймать их, ни даже подстрелить никак не удавалось.

– Кое-что по работе, – сказал бесцветному его киб-секретарь. – На Безымянной интересовались файлами по Тихой. Конкретно – экспедицией Берка и мифологией туземцев.

– Кто?

– Некий Питер Алексей Дуглас, охотник. Профессиональных интересов на Тихой у него в настоящее время нет.

– Покажи.

Киб развернул в воздухе экран. С него на бесцветного глянул вполне обычный с виду человек без особых примет, с короткой военной стрижкой. Рост – сто восемьдесят четыре, вес – девяносто два, волосы светло-русые, лицо простое, открытое, доброжелательное. Такой же открытый, доброжелательный взгляд. В глубине которого, однако, читались жесткая внутренняя собранность и непоколебимая уверенность в себе.

– Дай досье.

Киб-мастер выполнил. Бесцветный ознакомился с материалами неспешно, обстоятельно, иногда в изумлении вздергивая брови.

– Богатая у него биография, – сказал он, закончив.

– Когда-то он работал с Джонатаном Берком, – заметил киб.

– Да, я видел.

⁷ ККВЦ – Комитет по контактам с внеземными цивилизациями.

– Его компаньонка по фирме Кэтрин Ле Приер тоже раньше работала на Берка. Двое других компаньонов – Рик Эдвардс и Крейг Риера – лично с Берком знакомы и не раз с ним встречались.

– Как раз поэтому запрос Дугласа не выглядит странным. Узнал о происшествии с общим знакомым и навел справки.

– После запроса он просматривал дерево файлов напрямую. Возможно, он понял, что архив подчищен. И кто знает, какие выводы из этого сделал. Официально информация по Тихой не засекречена, и владеющие ею граждане и организации не подпадают под закон о нераспространении. При желании Дугласу не составит труда раскопать гораздо больше того, что было в архиве.

Бесцветный задумался – тоже наверняка делая выводы. Однако делиться ими не спешил даже со своим киб-секретарем.

– Еще что-то есть? – спросил он через минуту.

– Только что пришел доклад аналитического отдела, – сказал киб-мастер, немного помедлив. – Десять часов назад вновь отмечены помехи дальней связи на уровне первичных информ-поток и перехвачены многочисленные нечитаемые пакеты данных. Передача, как и в прошлые два раза, была верной и велась с Тихой, из района Восточного массива.

Бесцветный неувовимо переменялся в лице.

– Хотел бы я знать, почему самую важную информацию мне передают десять часов спустя, – сказал он.

Тон его голоса тоже переменялся, и сразу стало ясно, что этот человек привык командовать, – причем отнюдь не младшими научными сотрудниками. И что аналитиков ждет жестокий разнос, если не хуже.

– Вероятно, они не были уверены, что имела место именно целенаправленная передача данных, а не что-то еще, – сказал киб-мастер. – Ведь это всего лишь третий подобный случай.

– Они не были уверены, – тяжело проговорил бесцветный. – А кто должен быть уверен? Кто – если это *уже* третий случай? Причем третий зарегистрированный. А сколько могло быть незарегистрированных до этого – они хоть понимают? Десять часов!..

Он встал и прошелся по кабинету. Но его настроения это не улучшило.

– Готовь информпакет Координационному совету, – сказал он секретарю. – Копию – на Тихую, ННП⁸ «Сектор-18», руководителям экспедиции ККВЦ Шентао и Бабурину. Похоже, наши подопечные зашевелились. И всерьез.

⁸ ННП – наземный наблюдательный пункт.

Глава 2

Катер класса «атмосфера» нырнул в просвет между кронами огромных деревьев, приземлился на поляне, примяв мокрую от росы траву, коротко вздохнул, отключая антиграв, и открыл люк грузового отсека. Паго Нвокеди сверился с навигатором, оценивая расстояние до места проведения намеченного эксперимента, и остался доволен. Ближе-то все равно не получится, не настолько хороший он пилот, чтобы посадить машину прямо в тех дебрях.

– Глуши все системы, Клен, – сказал он киб-мастеру катера. – Задача у тебя простая: стоишь здесь, ждешь меня, и никому, кроме меня, не отвечаешь.

– Стоять не закрывая люк? – уточнил Клен.

– Нет-нет, конечно, ты его закроешь, – усмехнулся Нвокеди. – А то еще мартышки залезут в трюм – зачем тебе нужны такие гости.

Он прошел в грузовой отсек, оседлал аэроскутер и замер, стиснув штурвал. Вот сейчас прилечу туда, и... После начала эксперимента пути назад не будет.

Что ты затеял, Паго, что ты затеял?

И, самое главное, из-за чего? Может ли быть причина более ничтожная, чем та, что подталкивала тебя вперед все последние годы и в конце концов привела сюда? Захотел доказать этой глупой девчонке из расистской семейки, что черные парни ничем не хуже белых?

Несколько раз глубоко вздохнув, Нвокеди вывел скутер наружу и направил его в джунгли, держась в трех метрах над землей.

Нет, неправда. Может, как раз с Линды все и началось, – да что там, конечно с нее, и в научный центр «Тихая» он попросился как раз поэтому. Малоисследованная планета, перспективы больших открытий... Но теперь все остыло и забыто, изыскания стали важны непосредственно ради результата, и если уж он и хочет кому-то что-то доказать, так только научному сообществу.

И да, Линда вовсе не глупа. Девушку с таким интеллектом еще поискать. Хотя семейка у нее и вправду расистская.

И, конечно, Линда на редкость красива. А еще холодна. Высокомерна... Тьфу, черт, именно перед такими замороженными принцессами на тебя и накатывает желание убеждать всех вокруг, и прежде всего самого себя, что черные парни не хуже белых. А гораздо круче. Так что это ты расист, дружок Паго, а вовсе не Линда.

Скажи, разве белым девушкам обязательно должны нравиться черные парни? Трам-тарарам, даже не всем *черным* девушкам они нравятся! И любым девушкам, вне зависимости от их цвета кожи и убеждений, может не нравится конкретно Паго Нвокеди. Вне зависимости от его цвета кожи...

Занятый этими мыслями, Нвокеди едва не врезался в дерево.

– Слушай, Маус, – сказал он своему киб-секретарю. – Возьми-ка управление на себя.

– Маршрут к пастбищу броненосцев?

– Точно.

– Тогда подключи кабель. С ним мне проще.

Нвокеди вытянул из пояса комбеза кабель, подключил к инфору скутера, выпустил штурвал и откинулся на спинку сиденья. Расслабься, Паго, и не ври себе. Ничего не остыло и ничего не забыто. Так, затерлось слегка. Утешает лишь то, что изыскания свои ты действительно давно уже ведешь вовсе не для того, чтобы в один прекрасный день продемонстрировать Линде свою талантливость и значительность. Потому как понял: стань ты хоть трижды нобелевским лауреатом и вселенским светилом культурологии, уже на следующий день тебе захочется большего.

Оглянувшись на легкий шум в кронах деревьев, Нвокеди заметил, что слева и чуть выше параллельным с ним курсом движется по ветвям стадо горилл Фостера. Животные заинтере-

сованно поглядывали в его сторону, ничуть не опасаясь человека, однако Нвокеди знал, что стоит повернуться так, чтобы обезьяны попали в объективы камер комбеза или коммуникатора, и они тут же дадут деру. Когда после открытия Тихой началась разведка в тропических лесах, исследователи шагу не могли ступить без того, чтоб за ними не увязалось десятка два-три горилл, и поведение их бывало более чем необычным. На основании этого ученые заподозрили у них зачатки разума, пытались вступить в контакт, но ничего не добились. В конце концов горилл признали заурядными ксеноприматами без проблесков интеллекта, однако их странности до сих пор не давали покоя пытливым умам.

Скутер в последний раз вильнул между деревьями и приземлился на полянке с невысокой сочной травой. Нвокеди посмотрел вверх – где-то в недостижимой высоте голубел клочок неба. Да, через эту дыру он сюда катер точно не посадил бы.

Прямо напротив росла развесистая гивара с толщиной ствола обхватов в пять – в ее ветвях повизгивали маргышки. На земле под деревом тут и там лежали палые плоды. Осмотрев место будущей бойни, Нвокеди быстро оборудовал засидку на другой стороне поляны, открыл багажник скутера и расставил оборудование. Последней приготовил винтовку и отвел скутер дальше в лес. Засев в своем убежище, запустил телезонд и осмотрел засидку снаружи через его камеры. Маскировка получилась так себе – впрочем, для отстрела неосторожных животных с плохим зрением другой и не требовалось. Две или три гориллы внимательно следили с ветвей за всеми его манипуляциями. Нвокеди хотел было пугнуть их зондом, но передумал. Пусть смотрят.

Закрепив на стволе винтовки глушитель, он проверил, плотно ли сидит на голове обруч коммуникатора. Маус тут же опустил перед его лицом экран, и Нвокеди, двигая стволом туда-сюда, вдоволь наигрался с плавающим прицелом. Никогда он не был особенно метким стрелком, предпочитая упражнениям в тире занятия легкой атлетикой. Но стрелять все же умел, а с такого расстояния, да еще при поддержке киб-мастера, промахнуться было просто невозможно. Ждать оставалось недолго, поскольку броненосцы приходили на свое пастбище как по расписанию. У туземцев они считались священными, и никто не смел покуситься на них или хотя бы побеспокоить. Ослушников ждал гнев богов леса и неотвратимая кара.

– Айтуранга, – произнес Нвокеди вслух туземное название Тихой. – Айтуранга... Дом богов. Что ж, пришло время как следует их разозлить.

Он услышал броненосцев гораздо раньше, чем увидел. Вот показался первый – несуразное многоногое существо в чешуйчатых доспехах – вожак. Весил он килограмм сорок – остальные были гораздо меньше. Все животные на открытое место не вышли, но Нвокеди точно знал, сколько их, – двадцать три. Это стадо он наметил уже давно, избрав в качестве жертвы на алтарь науки. Броненосцы хрюкали, чавкали, неуклюже топтались в траве и мешали друг другу лакомиться плодами. Нвокеди прицелился в одного из них и выстрелил. Навел ствол на другого...

Отстрел беззащитных животных занял полминуты; и то лишь потому, что требовалось наносить смертельные, но не приводящие к немедленному летальному исходу ранения – прицеливаться приходилось тщательно. Беднягам предстояло как следует помучиться перед смертью – к необходимости именно таких действий Нвокеди пришел в результате долгих размышлений. Он подстрелил десятого и решал, не хватит ли, как вдруг разом заверещало и запиликало расставленное в засидке оборудование. Нвокеди мазнул взглядом по индикаторам и счетчикам – приборы будто сошли с ума.

– Смотри-ка, получилось, – довольно сказал он.

Разобравшись с показаниями и понять, что же именно «получилось», он и не пытался, это дело тщательного анализа в спокойной обстановке. Раненые броненосцы корчились в траве. Уцелевшие с хрюканьем удирали в лес, а навстречу им из зарослей несли визг – да такой, что все внутри переворачивало. Приборы разом взвыли и умолкли – визг в джунглях, напротив, нарастал, пока у Нвокеди не заложило уши и не закружилась голова.

Но ты же сам этого хотел, дружок Паго, разве нет? Ты предполагал возможность энергоинформационных всплесков в ходе эксперимента – они имели место, и еще какие. Подумай, как станешь оправдываться перед Ноэлем за сгоревшее оборудование. Во-первых, правду говорить вообще нежелательно. Во-вторых, объяснения типа: «Я прогневал богов, дружище, и они в отместку угробили всю аппаратуру», – вряд ли прозвучат убедительно.

Последний броненосец, неуклюже переваливаясь на коротеньких ножках, скрылся из виду. А из леса под гивару вышло здоровенное чудище, напоминающее одновременно ящера и павиана. Оно передвигалось на задних лапах, сугулясь и раскачиваясь, передние висели ниже колен.

Нвокеди моментально забыл про Ноэля и вскочил, выронив из ослабевших рук винтовку. – Айту-Хайгамар! – прошептал он со смесью ужаса и восхищения.

Сотни раз он рассматривал изображения бога лесных троп на кусках выделанной кожи со священными текстами туземцев – и вот теперь видел его перед собой. Туземцы верили, что Хайгамар одновременно существует в бесчисленном множестве воплощений, и ученые какое-то время считали его обобщенной персонализацией неизвестных пока земной науке стадных хищников. Однако десятилетия проходили за десятилетиями, а реальных свидетельств существования на Тихой таких животных не обнаруживалось. Что было невероятно, учитывая их предполагаемый размер.

Между тем туземцы были твердо убеждены в существовании Хайгамара и множества других подобных существ. И однажды Нвокеди подумал: что если разгадка тайны скрывается в туземной системе табу? Что если взять и нарушить одно из них?

В глубине души он до последнего не верил, что эксперимент удастся. Тем более – настолько. И теперь обнаружил, что никакого внятного плана действий на подобный случай у него нет.

Обезьяноящер вразвалку двинулся вперед, угрожающе разевая клыкастую пасть. А из зарослей уже выбирался второй.

Нвокеди решил не подсчитывать, сколько именно воплощений Хайгамара ему явилось, и попятился в лес, оглядываясь в ту сторону, где оставил скутер.

– Маус, зови машину! Срочно!..

Однако скутер, вместо того, чтобы лететь к нему, поднялся в воздух метров на десять и принялся бестолково крутиться из стороны в сторону, то и дело цепляя стволы деревьев и лианы короткими крыльями.

– Маус! Что случилось? Маус!..

Киб-мастер промямлил что-то неразборчивое и умолк. Нвокеди попытался вызвать катер – Клен не отзывался тоже. Обезьяноящеры быстро приближались – на поляне их было уже пятеро.

Повернувшись, Нвокеди бросился наутек. Монстры с леденящим душу воем кинулись следом, сразу же отрезав беглеца и от засидки, и от скутера. Только промчавшись две сотни метров, Нвокеди вспомнил о брошенной винтовке, – но повернуть назад и попробовать проскочить между обезьяноящерами он не решился. Вместо этого рванул в сторону катера, смутно надеясь, что интеллекtronика скутера вскоре сориентируется, машина догонит его, и он сможет взлететь. И вскоре уже ругал себя последними словами – глупее ничего придумать не мог?.. Дурак, растяпа!.. Надо было еще на поляне просто взять винтовку и расстрелять всех тварей; вскарабкаться по лианам и прыгнуть на скутер; надо было... Однако делать все это было поздно. И уже через несколько минут бешеного забега в джунглях, где приходилось все время сворачивать, Нвокеди потерял всякое представление о том, в какой стороне от него катер, а в каком – поляна со скутером. Злобные бестии наступали на пятки, и ничего не оставалось, как непрерывно бежать, непрерывно маневрировать в бесплодных попытках сбить их с толку.

На бегу Нвокеди цеплялся взглядом за каждое встречное дерево – можно ли на него быстро залезть? Такие изредка попадались, однако преследователи были слишком близко, и могли стащить его вниз прежде, чем он заберется достаточно высоко. И никто не мог гарантировать, что обезьяноядщеры не умеют лазить по деревьям.

– Маус! Маус! Включи маскировку!.. Отзовись бога ради! Стратегию мне! Что делать?..

Маус молчал. Молчал весь эфир – в нем слышался только неясный шум. И этот шум постепенно нарастал, набирая силу урагана.

Нвокеди заскрипел зубами от злости. Похоже, на Тихой начиналась буря помех. Редкий феномен, присущий только этой планете, – и надо же, чтобы именно теперь и как раз в этом районе!

Но есть же SOS-передатчик... Он куда как мощнее встроенного в комбез. Стараясь не притормаживать, Нвокеди попытался его достать. Ему уже было наплевать на угрозу наказания за несанкционированную высадку в заповеднике и свои сомнительные эксперименты. Волновало лишь одно: услышат ли его на орбите? Успеет ли прийти помощь? Получится отстреливаться до ее подхода? Винтовки нет, но пистолет в кобуре на поясе; сколько у меня к нему патронов?..

Он оглянулся проверить дистанцию между собой и преследователями, а когда опять посмотрел вперед, увидел прямо перед собой склонившуюся к земле ветку дерева. Она пре-больно хлестнула по лицу и сорвала с головы обруч коммуникатора. Едва не потеряв равновесие, отчаянно размахивая руками, Нвокеди пробежал еще десяток метров, поскользнулся и полетел кувырком по крутому склону холма. Затормозиться не удавалось, пока он не врезался в лежавшую поперек склона замшелую колоду. Будь ствол твердым – не собрать бы костей, но к счастью тот прогнил насквозь. Вскочив и повернувшись к обезьяноядщерам, Нвокеди выхватил пистолет. Отплевываясь от забившей рот трухи, воя от внезапно накотившей ярости, он начал стрелять – сначала беспорядочно, потом сосредоточил огонь на передовом преследователе. Первые четыре пули попали обезьяноядщере в грудь, пятая разворотила морду, и он безжизненной тушей врубился в колоду в полушаге от Нвокеди. Второй, получив несколько пуль в живот, покатился по склону и застрял в кустах чуть левее. На третьего осталось два выстрела, и Нвокеди проклял себя за то, что плохо целился и не считал патроны. В стандартном магазине их двадцать штук – хватило бы раздать на всех!.. Хромая на простреленную лапу, окровавленный обезьяноядщер гонялся вокруг колоды за Нвокеди, который на бегу пытался сменить магазин. Руки тряслись, пальцы не слушались, в кустах слева ворочался второй раненый монстр. Наконец вставить магазин получилось – Нвокеди передернул затвор и повернулся. Но стрелять уже не было нужды: обезьяноядщер остановился, поливая все вокруг фонтанами крови из пробитой шеи, постоял секунду и рухнул на землю. Нвокеди добил того, что в кустах, через просветы между ветками и огляделся. Это трое, – а где еще двое? Было же пятеро?..

Словно в ответ на его недоумение с верхушки холма послышался многоголосый визг – судя по всему, существ там было гораздо больше двух. Вот черт, подумал Нвокеди, они сейчас со всего леса ко мне сбегутся!.. Он проверил, не потерял ли в суматохе передатчик, и с облегчением выдохнул – на месте! Однако сигнал SOS не прошел. В ответ на все попытки что-то сделать на экране высвечивалась одна и та же надпись: «Нет связи».

Гвалт на вершине холма нарастал. Сразу восемь обезьяноядщеров показались меж деревьев и огромными прыжками помчались вниз по склону. Зажав в одной руке передатчик, в другой – пистолет, Нвокеди побежал прочь.

Наземный наблюдательный пункт СОЗ восемнадцатого сектора заповедника «Тихая» уже три года как числился на консервации. Однако в помещениях всех сооружений и на прилегающей территории было на редкость многолюдно – последние несколько месяцев здесь располагалась база экспедиции Комитета по контактам. Оба руководителя – Кэй Шентао и Аркадий

Бабурин – находились в главном зале управления, когда дежурный оператор получил уведомление СОЗ о всплеске энергоинформационной активности в квадрате F-9.

– Вниманию всех полевых групп, – сказал он. – К северу от Малых стариц отмечен «эффект брошенного камня» с перерастанием в бурю помех. – И добавил, повернувшись от пульта к Шентао и Бабурину: – Эпицентр в двухстах километрах от нас. Динамика разрастания – средний уровень. НП накроет минут через десять.

– Какая из групп там была? – спросил Бабурин.

– Никакая. Мы в этой точке вообще пока не работали. Гориллы район стариц не очень жалуют.

– Что, выходит, в этот раз никто не напортачил – и все равно началось? Может, есть кто чужой в районе?

– Нет. Только на территории соседнего сектора, у Жемчужного озера вчера высадился культуролог Паго Нвокеди. Но это в семистах километрах от эпицентра.

– Все равно – свяжись с ним, пока можно, и проверь, на месте ли он.

Оператор выполнил указание, и вскоре уже говорил с Нвокеди: тот отозвался почти сразу, сказал, что у него все в порядке, и что из своего лагеря у озера он не отлучался и не собирается.

– Ну что ж, это хорошо, когда у человека все хорошо, – усмехнулся Бабурин.

– Не нервничай, Аркадий, – сказал Шентао. – Зависимость возникновения бурь помех от действий людей еще никто не доказал.

– Кто-то должен попробовать. Мы здесь в том числе и для этого.

– Вешать вину за бури на горилл Фостера тоже пока мало оснований.

– Да у нас мало оснований для чего угодно! Что теперь – и предположить ничего нельзя?

– Получен информпакет из Сиднейского института сравнительной анатомии человекообразных, – сообщил оператор. – Пометка: лично руководителям экспедиции. Просмотр: немедленно.

– Надо же, – покачал головой Шентао. – А ведь еще пять минут – и мы были бы в безопасности.

– Ох уж этот Сиднейский институт, – вздохнул Бабурин. – Чтоб он провалился.

Шентао только улыбнулся в ответ – понимающе и сочувственно.

Нвокеди затравленно огляделся и, хватаясь за грудь одной рукой, оперся другой о ствол дерева. Пот заливал глаза, в боку нестерпимо кололо, дышал он со скоростью загнанного собаками зайца, но воздуха все равно не хватало. Сообразив, что глупо поступает, застряв на сравнительно открытом месте, Нвокеди заставил себя оттолкнуться от ствола и двинуться дальше – требовалось найти какое-нибудь укрытие и передохнуть. Бежать, как раньше, он сейчас не сможет, скорее даст порвать себя на части: ноги совсем не хотели двигаться. А считаешься спортсменом, усмехнулся про себя Нвокеди. Видно, потерял форму, в кабинетного доходягу превратился... Но тут же оборвал себя – нет, он и сейчас прекрасный стайер. Просто бегать на тренажере в спортзале Центра, и здесь, в труднопроходимых даже на скорости пешехода джунглях, да еще с этими монстрами на хвосте, – не одно и то же.

Нвокеди спустился в лощину, перебрался вброд через ручей и залез в густые заросли колючего кустарника; сначала шел, раздвигая ветви и обдирая руки, потом опустился на четвереньки и пополз. Внезапно стало просторнее, и он, совершенно обессилив, повалился лицом вниз на толстый слой прелых листьев, сплошным ковром покрывавших свободную от кустов площадку. Через несколько минут нашел в себе силы перевернуться на спину. Из свежих ссадин на его руках сочилась кровь, на старых царапинах она уже запеклась. Лицо тоже было в крови, черная кожа стала пепельно-серой, ее покрывала грязь и крупные капли пота. Нвокеди приподнялся, опираясь на локти, напрягся и сел.

– Ну и влип же ты, Паго, дружок, – сказал он сам себе.

Звук собственного голоса подействовал на него успокаивающе. А может, он просто слишком устал, чтобы продолжать бояться. Сколько длился этот бег с препятствиями – три, четыре часа? Дольше? Если бы не вшитый в комбез усилитель мышц, ему бы ни за что не удалось уйти от этих ублюдков.

– Маус, дай попить, – по привычке попросил Нвокеди, позабыв, что киб-мастер давно не реагирует на его призывы. Выругался, нажал на крышку фляги, ожидая, что из воротника-стойки комбеза выдвинется мундштук автономной системы питания. Подождал и нажал еще раз. Никакого эффекта. Тогда он отцепил флягу с пояса, открутил крышку и попил из горлышка, стараясь не торопиться.

Сразу полегчало. Несколько минут спустя отчасти вернулась способность думать логично и последовательно. Хотя в определенном плане ясность ума сейчас была вряд ли кстати. Потому что влип он действительно глубже некуда, и размышления об этом нагоняли смертельно опасное в его положении уныние. Можно сколько хочешь твердить себе, что без осознания ситуации невозможно найти из нее выход, да только поднять настроение такие мысли ничуть не помогают. И мозг Нвокеди схитрил: подсунул сам себе тему о странной связи между обезьяноядцами и броненосцами. Почему первые так остро реагируют на предсмертные мучения вторых? За счет чего осуществляется связь между двумя видами? Что за странный такой симбиоз между завзятыми вегетарианцами и явными хищниками? Пожалуй, надо было все же рискнуть и подключить к эксперименту Ноэля. Впрочем, какой толк – он же только биолог, а тут нужен спец-универсал с уклоном в энергоинформатику...

Ветер зашумел где-то высоко в ветвях деревьев, и Нвокеди усилием воли вернул себя к действительности. Проверь, дурак, не наладилась ли связь...

Он достал передатчик. Да, связь была. Ну конечно, вот теперь она есть, а когда ты драпал по лесу от стаи обезьяноядцев, поминутно прощаясь с жизнью...

Нвокеди с величайшим трудом подавил желание немедленно послать сигнал бедствия сразу на всех доступных частотах. SOS будет прежде всего услышан Службой охраны заповедников. Скорее всего, часа не пройдет, как кто-то из зрителей будет здесь, и его сразу же доставят домой, на орбитальную станцию научно-исследовательского центра. Но...

Тут и начинались всякие «но». Иметь дело даже с самой СОЗ по поводу несанкционированной высадки уже достаточно неприятно – это раз. Зрители непременно выяснят, что в ходе эксперимента погибли десять многоногих броненосцев – представителей одного из наиболее редких видов фауны Тихой. Это два, и уже пахнет судебным разбирательством. Да что там – пахнет, тюремный срок почти гарантирован. Попробуй, докажи, что сие сделано в интересах науки – при том что ты не биолог даже, а культуролог. *Особенно* если культуролог... Потому что культурология – это туземцы. А туземцы – это Комитет по контактам. После разбирательства по делу Ткаченко, которого к ответственности привлечь так и не удалось, людоеды из Комитета спят и видят, как бы отыграться и поймать ученых на горячем. И тут уже можно вляпаться так, что не выйдешь из тюрьмы до старости.

Нет, Службу охраны заповедников на выручку звать не стоит. Коллегам из Центра тоже лучше пока побыть в неведении. Сдать не сдадут, но самовольство вряд ли простят, а это выльется в запрет на высадки и строжайший надзор. После чего неудобного сотрудника и вовсе постараются спихнуть куда-нибудь подальше отсюда. Так или иначе, о завершении эксперимента можно будет забыть.

Решившись, Нвокеди вызвал свой катер. Клен отозвался почти сразу.

– В чем дело, Паго, почему не отвечаешь? Ты запретил мне самостоятельно выходить на связь с Центром, хоть мне и непонятен смысл подобного приказа. Но расчетное время твоего отсутствия давно превышено...

– Все понимать необязательно, Клен, – оборвал киб-мастера Нвокеди.

К нему возвращалась его обычная самоуверенность, успевшая войти у коллег в поговорку. Клен не в курсе дел и посвящать его в подробности не стоит. В курсе был Маус, а он, по всем признакам, сторел. Если сейчас действовать правильно, можно легко выбраться из нынешнего неприятного положения и продолжить свое исследование прямо с того места, на котором его сегодня столь грубо прервали. Надо лишь добраться до катера и замести следы, забрав с места эксперимента скутер и оборудование.

– Сколько времени я отсутствую? – спросил он.

– Тринадцать часов пятьдесят семь минут, – ответил киб.

Нвокеди едва не присвистнул от удивления. На путь до поляны ушло сорок минут, еще около полутора часов он провел там. В этих кустах он сидит примерно час. Значит, кросс по лесу продолжался не три и не четыре – одиннадцать часов! Неудивительно, что он чувствует себя так, будто попал в камнедробилку. И это значило, что до наступления ночи остается не так долго.

– Паго, с тобой все в порядке? Почему молчишь?

– Все в норме, не переживай. Я просто немного заблудился из-за этой бури помех...

Пиликнул сигнал уведомления, и передатчик развернул экран, на котором открылось окно навигатора. Катер был до смешного близко – меньше трех километров. Можно добраться за час или около того... Нвокеди попытался сесть на корточки и тут же повалился на землю, едва сдержав стон. Не-е-ет, идти прямо сейчас он не сможет. Ничего не остается, как заночевать в лесу.

– Я приду утром, – сказал Нвокеди. – Ты меня уже засек?

– Да, – ответил Клен.

– Постараюсь выйти, как только рассветет. Следи за моим движением и будь готов взлететь, как только я подойду. До встречи.

Нвокеди отключил передатчик и сунул его в карман. Сняв с пояса флагу и контейнер с концентратом, кое-как поужинал – добывать питательную смесь из контейнера оказалось не просто, а разбирать его Нвокеди поостерегся. В быстро сгущающихся сумерках действовать пришлось бы почти на ощупь, а фонарик он зажигать не решался – его недавние преследователи или другие хищники могли бродить где-то поблизости, и привлекать их внимание было ни к чему.

Поев, он покопался в аптечке, достал шприц и ввел себе полный метаболический комплекс. Подумал, и вытащил пенал с гипномином, который в шутку называли антисклерозными таблетками. Когда-то, мимолетно увлекшись экстрим-туризмом, он прошел краткий курс гипнообучения по выживанию, но внушенные знания и навыки, если их не применять на практике, забываются очень быстро. Гипномин поможет вспомнить.

Проверив напоследок пистолет, Нвокеди сгреб в кучу слежавшиеся мертвые листья, которых вокруг было сколько угодно, и устроил себе нечто вроде лежанки. Спать будет помягче, завтра он должен быть в форме – насколько это возможно после сегодняшнего. Неизвестно, с чем еще придется столкнуться на пути к кораблю...

Глава 3

Ресторан Дагена, возвышавшийся посреди пустыни в пяти километрах от города, напоминал издали фантастический черный цветок. Посадив такси на одном из «лепестков», я прошел в зал и оказался в настоящем царстве стекла. Оно было здесь повсюду: стеклянный пол и стены, меняющие густоту тонировки в зависимости от времени суток – от почти угольной черноты днем до полной прозрачности ночью; огромная люстра под горный хрусталь, парящая где-то в недостижимой вышине под стеклянным куполом, массивные стеклянные столы... Только для кресел дизайнер сделал исключение.

Я шел по залу, выбирая место, когда услышал негромкое: «Эй, Алеша!» – и оглянулся. Немногие знали мое второе, русское имя Алексей, а Алешей называл только один.

Это он и был – высоченный, мощного телосложения, с лицом аристократа и ухватками борца-профессионала. Когда Владимир Мартынов встал из-за столика для приветствия, то оказался почти на голову выше меня, а я ведь тоже не дюймовочка.

Покончив с рукопожатиями и взаимными похлопываниями по плечу, мы сели, и я наконец смог поздороваться с Кристиной.

– Привет, Пит, – отозвалась она, разглядывая на свет содержимое своего бокала. – Удачно встретились. Мы только час назад прилетели с Пальмиры, и сразу сюда. Не успели устроиться как следует, смотрим – ты!

– Какими судьбами вы оказались на Безымянной, Влад? – спросил я. – Неужели решили снова заняться охотой?

– Влад и Владимир не одно и то же имя, сколько раз повторять, – проворчал Мартынов. – Уж тебе-то, с твоими русскими корнями, стыдно не знать таких вещей.

– Оставь в покое мои корни, мы живем в эпоху великого смешения народов. Ученые прогнозируют окончательное формирование единого человечества в ближайшие сто лет.

– Может быть, – с сомнением сказал Мартынов. – Только многие народы – китайцы, например, в основной своей массе участвовать в этом процессе не спешат, и на прогнозы ученых им наплевать.

– И русские тоже.

– Русские, к сожалению, в этом вопросе не столь последовательны. А зря.

– Национальная обособленность ни к чему хорошему не ведет, сам знаешь, – заметил я.

– К тому я и веду, – сказал Мартынов. – По данным статистики, на сегодняшний день каждый четвертый человек во Вселенной – китаец, и процентное соотношение с каждым годом изменяется не в пользу всех остальных людей. Формирование целиком китайского человечества – как тебе такой прогноз?

– Для бездельника, без всякой пользы прожигающего свои миллионы, ты слишком мрачно смотришь на жизнь, – усмехнулся я. – И вообще, ты что, решил угощать меня одними разговорами? Давай, заказывай – в этот раз твоя очередь.

Сказать, что меню у Дагена было богатым, значило ничего не сказать: его повара могли приготовить, наверное, миллиард блюд. Мартынов, несмотря на свой патриотизм, всегда оставался поклонником французской кухни, и обед оказался чудесным. Говорили обо всем на свете, но в основном об экспедициях на те планеты, куда мы успели добраться за два года, что не виделись. Будучи неутомимыми искателями приключений и любителями всевозможного экстрима, Влад и Кристина делили свое время между отдыхом на самых комфортабельных и дорогих курортах и путешествиями в такие уголки космоса, где даже черти не лазили. Под конец, я сам не заметил как, разговор свернул на Берка, рэдвальфа и Тихую.

– Я был там, – сказал Мартынов, задумчиво постукивая вилкой по тарелке. – В пятьдесят шестом, в составе экспедиции Эрцога. Криста тоже.

– И чем вы занимались?

– Эрцог занимался делом, естественно. В его задачу входило исследование Восточного массива. Мы с Кристой били баклуши, совали нос всюду, где становилось интересно, и путались под ногами у ученых. Они бы с радостью послали нас куда подальше, но я финансировал экспедицию на две трети.

Я отвалился на спинку кресла, не в силах больше проглотить ни кусочка.

– Восточный массив – что это?

– Огромная территория, занятая тропическими лесами. Почти необитаема – за исключением северо-западных окраин. Там джунгли переходят в лесостепи и степи, населенные знаменитыми туземцами Тихой.

– Вы их видели? – заинтересовался я.

– Контакты с ними строго запрещены, Алеша. – Мартынов прищурился так хитро, что я сразу понял – они, конечно, не только видели туземцев, но и подошли поздороваться, посидеть у костра, пропустить по стаканчику. Может, даже разделись догола и сплясали с ними военный танец вокруг тотемного столба.

– Кристина! – воззвал я. – Ты же хорошая девочка, не то что этот невоспитанный варвар. Расскажи!

– Они очень похожи на нас, – ответила она. – Высокие. Смуглокожие. Если одеть любого из них в нашу одежду и выпустить на улицу – никто и не обернется.

– Ладно, черт с ними. А с Берком что могло случиться, как по-вашему?

Влад и Кристина переглянулись.

– Представить себе не могу, – сказал Мартынов. – Хотя таинственные исчезновения на Тихой случались и раньше. В тридцать первом году в этом самом Восточном массиве пропала экспедиция Борисова – Родригеса. Двумя годами раньше исчезли четыре метеоролога на плато Михорас. В пятьдесят втором на одном из островов Большого архипелага потерялись восемь ученых экспедиции Аарона Карра; и одновременно двое его же людей – на острове в архипелаге Гринберга. Ну и так далее. При нас тоже был случай. Сопляк-стажер, вообразивший себя крутым исследователем, втихую сбежал в леса с запасом продовольствия.

– И больше его никто не видел, – вставила Кристина.

– Точно, – подтвердил Мартынов. – Эрцог выслал на поиски всех кого мог. Мы с Кристой тоже участвовали. Восемнадцать дней сто с лишним человек прочесывали джунгли, но это привело только к потере одной из поисковых групп, а затем и второй. После чего сверху спустили приказ свернуть спасательную операцию и временно запретили высадки в Восточном массиве. Итого, Эрцог потерял девять человек, из которых восемь были тертыми ребятами, прошедшими не один десяток планет. Я хотел было плюнуть на запрет и высадиться на Тихой еще раз, но Криста отговорила.

– А как все эти случаи связаны с рэдловфом? – спросил я.

– Большинство никак, – ответил Мартынов. – Хотя, к примеру, наш сопляк хотел найти как раз его. Может, даже нашел.

– А тамошние местные что обо всем этом думают?

– Я говорил с военным вождем племени Итко... – протянул Мартынов.

– А ведь контакты с туземцами строго запрещены, – не удержался я.

Он метнул на меня свирепый взгляд.

– Так вот, тамошние местные, как ты выразился, об этом не думают – они с этим живут. Рэдловфа они называют Айтумайран. Он у них вроде верховного бога, и в основном занимается тем, что бродит по джунглям и карает грешников за плохое поведение. А еще он владыка загробного мира.

– Туземцы верят в вечную жизнь?

– В отличие от тебя, атеист несчастный... По их верованиям Айтумайран жестокий, но справедливый бог, всемогущий и вездесущий. А на тот случай, если он все же куда-то не успеет, у него под началом есть целая команда богов айту разных рангов. Каждый из них заведует чем-то одним: деревьями, ручьями, лесными тропами. Полный раздел сфер влияния. Айтумайран в их дела обычно не вмешивается, с текущими задачами они справляются сами. Воплощаясь в разных чудовищ, айту могут запросто пришибить нарушителя табу или довести его до сумасшествия.

– Чудесные создания... А добрые боги есть?

– Нет. То есть злые одновременно и добрые тоже. Не спрашивай меня, как такое может быть. Но если правильно себя вести, то боги пошлют вдоволь пропитания, и этого в представлении туземцев достаточно, чтоб считать богов эталоном милосердия. А нечестивцев ждут несчастья, болезни и смерть. Разных табу великое множество, так что когда туземцы гибнут на охоте, или разразится эпидемия, или соседнее племя совершит набег на их деревню, вопросов не возникает: был нарушен какой-то запрет, а при таком их изобилии ничего не нарушать – дело невозможное. В случае же особо тяжких проступков за дело берется сам Айтумайран. Воплотившись в образе огненного зверя, он является к провинившемуся, причем тот может с ним драться и даже его убить. Однако шансов избежать расплаты нет: во-первых, Айтумайран весьма живуч и убить его ой как не просто. А во-вторых, будучи убит, он просто воплотится еще раз и придет к нарушителю табу снова. Ну как, удовлетворил я твое любопытство?

– Отчасти, – пробормотал я. – Теперь скажи, что из этого может иметь отношение к реальности?

– Ну, знаешь...

– Я серьезно. Возможно ли, чтоб под этой мифологией и конкретно под легендой о рэдвальфe были основания? Крайне опасный редкий хищник. Какая-нибудь мутация. Что-то в атмосфере. Вирус, провоцирующий психоз и продолжительные галлюцинации...

– С этой точки зрения возможно что угодно из того, что ты назвал, или даже все вместе. – Мартынов закинул руки за голову, сцепил их на затылке и с хрустом потянулся. – Но что именно происходит на Тихой, никто не знает, и если сейчас открыть дискуссию на эту тему, то она будет пустой болтовней дилетантов. Ты не первый, кто заинтересовался рэдвальфom. Ребята куда серьезнее нас с тобой пытались раскопать что-то еще в то время, когда Тихая не была заповедником. Кое-кто до сих пор не теряет надежды, и Берк тому пример.

– Думаю, если бы не история с «Вудс индастрис компани», никто не увидел бы ничего странного в исчезновениях людей на Тихой, – включилась в разговор Кристина. – Не так уж их и много – не больше, чем на других подобных планетах. И не было бы никаких легенд.

– Может, ты права, – отозвался Мартынов.

Я хотел было спросить, что это за история с «Вудс индастрис компани», но воздержался, видя, что наша с Владом болтовня, в которой Кристина почти не принимала участия, начинает ей надоедать. Тема Тихой ей явно не нравилась, а Владу – наоборот, и мне не хотелось стать причиной семейного дисбаланса.

– Ладно, – сказал я, вставая из-за стола. – В следующий раз моя очередь угощать вас обедом, и я уже знаю, что сделаю. – Я навел на Мартынова указательный палец. – Накормлю тебя чем-нибудь из китайской кухни. Ты сможешь на деле убедиться, что китайцы – просто замечательные люди, если смогли придумать такую клевую еду. Что касается Кристины, она, когда до нее дойдет очередь, наверняка опять отделается чаем и пончиками собственного приготовления.

В роскошном особняке Мартыновых на Пальмире рядом с суперсовременным кухонным комбайном стояла старинная газовая плита. По особо торжественным случаям Кристина оживляла это приспособление и самолично стряпала пончики.

– Мне казалось, они нравятся тебе, – прищурилась Кристина. – В последний раз ты слопал невероятное количество.

– Конечно, нравятся, – заверил я ее. – Ты – королева пончиков. Если б ты умела готовить хоть что-нибудь еще, я уже давно пристукнул бы Влада и женился на тебе. Вы где остановились?

– Пока нигде, – ответил Мартынов. – Думал обосноваться в кемпинге «Гросс Хилл».

– А я хочу в пентхаус «Козерога», – безапелляционно заявила Кристина.

– Должно быть, ты была в прошлой жизни кошкой, – рассмеялся Мартынов. – Вечно тебя тянет на крышу.

– Уступи жене, – предложил я. – Станем соседями.

– Годится.

Мы вышли из зала на стоянку и обнаружили, что оставили наши такси рядом.

– Ты будешь вечером на тусовке в ООЗ? – спросил Мартынов.

– Нет, – ответил я. – Надоело. Клиент в этом году не клюет, и даже те тощие контракты, которые все еще можно исхитриться поймать, почему-то идут мимо меня. Подумываю о том, чтобы вообще сбежать с конгресса.

– А говорил – станем соседями, – разочарованно протянул Мартынов.

– Ну, ненадолго мы ими станем.

– Передай привет Кэтти, – попросила Кристина. – Пусть почаще выходит на связь, а то обижусь.

До самого отеля наши машины летели рядом, потом моя аккуратно пошла на посадочную площадку тридцатого этажа, а такси Влада, резко задрав нос, понеслось вертикально вверх в опасной близости от зеркальной стены «Козерога». Этот сукин сын наверняка успел залезть в инфор и снять блокировку ручного управления, иначе киберпилот вряд ли позволил бы ему выкинуть такой трюк. Я прикинул в уме сумму, которую Мартынову придется заплатить владельцу такси за фокус-покус с инфором, приплюсовал штраф за опасное вождение, и мне стало нехорошо. Впрочем, что ж сравнивать наши финансовые возможности...

Пентхаус «Козерога» дизайнер оформил в современном стиле. Впрочем, это можно было легко изменить.

– Хочу природу, – мечтательно сказала Кристина. – Дикую-предикую. Чьи настройки?

– Твои, – ответил Мартынов. – Если настрою я, тут везде будут пейзажи Тихой. Но ты же не это имела в виду?

Кристина внимательно посмотрела на мужа.

– Чертов Пит! – сказала она.

– Да при чем здесь он? Мне Лобанов про Берка рассказал. А тут я просто вспомнил...

– Вот именно. А если б не Пит, ты и не вспомнил бы. По крайней мере в этом году.

– Нет, погоди, – сказал Мартынов, плюхаясь на диван. – А что ты, собственно, имеешь против Тихой?

– То, что ты на ней помешался, – скорбно сказала Кристина, усаживаясь рядом.

Она глубоко вздохнула, словно на что-то решаясь. Однако с первого раза решиться не получилось, и ей пришлось вздохнуть еще несколько раз.

– Ладно, – сказала она. – Если мой любимый муж так сильно куда-то хочет, он не должен страдать из-за невозможности туда попасть. Поэтому на Тихую полетим. Но сначала на Попликолу! Ты обещал мне поохотиться там? Ты обещал, что мы будем там торчать, пока мне не надоест? Вот давай и сделаем. Ты знаешь, что тут все без обмана. Я не поселюсь на Попликоле только ради того, чтобы не лететь на Тихую.

Мартынов улыбнулся и обнял жену.

– Радость ты моя! – сказал он совершенно искренне. – В который раз уже убеждаюсь: я не ошибся, когда делал тебе предложение.

– Для вас есть почта, – сообщила Полли, как только я переступил порог. – Переадресована из Монреаля. Открыть?

– Немедленно! – рявкнул я, не обратив должного внимания на слово «переадресована». Неужели на нас, наконец, свалился ЗАКАЗ? Одержимый желанием найти работу, я упустил из вида элементарный факт – ребята, конечно, не стали бы отсылать мне заявку на заказ. Хоть формально я и числился старшим компаньоном, любой из них мог оформить контракт от имени фирмы. Они бы это сделали, а уж потом сообщили мне новость.

И точно, это была не работа. Впрочем, работа, но не та, которую я искал. Из Пражской лаборатории биомеханики интересовались, не желает ли Питер Алексей Дуглас возобновить сотрудничество. Приятно, что по прошествии стольких лет тебя помнят. Тем более приятно сознавать, что в случае чего не придется помирать с голоду на улице. Воображение живо нарисовало мне Пражскую лабораторию, какой я ее помнил: скромный по размерам, но прославленный на всю Галактику медкомплекс, научно-исследовательский институт и клиника в одном флаконе; дружный, как хорошая семья, коллектив; профессор Вацек, под руководством которого я когда то начинал; мой беспутный, но талантливый ассистент Леня Гроссман... Я наскоро прикинул возможность променять вольную жизнь, простор открытого космоса и сотни далеких планет, на которых еще не успел побывать, на работу в четырех стенах, безопасность и стабильную зарплату. Потом, вместо того, чтобы отдохнуть после обеда, как планировал вначале, велел Полли включить суггестор, твердо намереваясь сделать что-то полезное на своем теперешнем поприще. Мимоходом отметил только, что, наверное, в биомеханике, как в науке, не произошло в последние годы заметных прорывов, иначе программа поиска кадров не выдала бы моим бывшим коллегам в Праге кандидатуру сотрудника, уволившегося двенадцать лет назад. Хотя, возможно, это постарался профессор Вацек – он всегда относился ко мне лучше, чем я того заслуживал.

– Сколько еще отчетов осталось? – спросил я.

– Двадцать пять, – отрапортовала Полли. – Плюс открытая информация научных экспедиций и разрешенные к просмотру файлы Косморазведки.

– Ну, науку с Косморазведкой я освоить уже не успею. Упакуй на кристаллы и отправь... Впрочем, нет. Возьму с собой – будет, чем заняться по пути на Землю. А отчеты давай прямо сейчас.

Я откинулся в кресле, моментально принявшем наиболее комфортную для тела форму, мягкие лапки суггестора прижались к вискам. Стена напротив провалилась в неизвестный мрачный мир, будто придавленный сверху низкими тучами. В голове пронесся прохладный стремительный ветер, умножая скорость восприятия во много раз.

– Вы готовы? – прошелестел голос Полли где-то на поверхности сознания, которое стало огромным, как бездонная яма.

– Давай, девочка.

Мир напротив шевельнулся и ожил, а в мозг одновременно на нескольких уровнях пошла информация – координаты маяков, планет, звездных систем; траектории полетов, карты, природные условия; названия животных, их размеры, повадки; типы примененных ловушек, марки оружия, необходимые дозы парализаторов...

Глава 4

Проснувшись утром, Нвокеди чувствовал себя лучше, но глаза открывать не хотелось. Хотелось опять уснуть. Черт возьми, да после такого марафона, как вчера, надо отлеживаться неделю! Уже снова проваливаясь в сон, Нвокеди уловил что-то... Звук? Но вокруг было тихо. Может, запах? Он осторожно потянул носом. Точно, запах. Тяжелый, незнакомый и пугающий. Гипномин, от которого сейчас першило в горле, не только помогал вспоминать хорошо забытое – он обострял все чувства, способствовал быстроте и ясности мысли. Открывая глаза, Нвокеди уже знал, что увидит.

Один из вчерашних монстров был здесь, прямо в его убежище. Да, он был похож на помесь павиана с ящером – голая черная кожа лоснилась, будто смазанная жиром; огромная, как тыква, голова сидела на короткой толстой шее, переходящей в широченные плечи. Обезьяноящер примостился на корточках почти вплотную к Нвокеди, совсем по-человечески положив на колени мосластые передние лапы; толстый змеиный хвост изгибался по земле. Господи, сколько он уже здесь сидит? Где его дружки? Должно быть, Нвокеди шевельнулся, потому что обезьяноящер оскалился и подался вперед. Из его глотки вырвался оглушительный рев, переходящий в визг. Нвокеди тоже завизжал – от страха и отвращения, сгруппировался, подтянув колени к груди, и изо всех сил ударил монстра в голову обеими ногами.

Удар вышел что надо – зверь отлетел в кусты ломая ветки. Нвокеди пополз на четвереньках сквозь заросли, а когда они стали реже, вскочил и побежал. Ветки хлестали по лицу, колючки раздирали кожу, но он не обращал внимания. Где-то справа раздался рев второго обезьяноящера, слева ему ответил третий. Надо побыстрее выбраться на открытое место: если они схватят его в этих кустах, ему конец.

Несмотря на неожиданность произошедшего, Нвокеди быстро пришел в себя и действовал куда увереннее и умнее чем вчера, сразу взяв направление на свой катер. Отдохнувшее за ночь тело неплохо слушалось – делали свое дело метаболики. Нвокеди резво мчался вперед, петляя между деревьями и перепрыгивая через обросшие мхом коряги. Начиная привыкать, подумал он с усмешкой. Внезапно один из обезьяноящеров выскочил словно из-под земли прямо на дороге. Нвокеди не успел отвернуть, врезался в него, сшиб, и сам покатился по земле, успев почувствовать короткое прикосновение к коже зверя – скользкой, горячей, с тем самым тяжелым, неприятным запахом. Моментально поднялся на ноги, содрогаясь от брезгливости, и побежал дальше.

На пути попалась глубокая промоина с ручейком на дне, и Нвокеди прыгнул в нее. Заросли наверху скроют его от преследователей хотя бы на время... Тут же себя одернул: он и вчера не раз пытался проделать подобный трюк, спрятаться где-нибудь, – его всегда тут же замечали. «Хамелеон» вышел из строя вместе с киб-мастером, комбез приобрел серебристо-серый цвет формы научных сотрудников и перестал поглощать запах тела. Прятаться в таком наряде от хищников в джунглях – все равно что пытаться обмануть радар, прицепив себе на спину сигнальную систему.

Можно включить «хамелеон» вручную, подсказал просвещенный гипномином мозг. Опасливо поглядывая вверх, Нвокеди на ощупь нашел на поясе закрытое клапаном углубление, просунул палец, нажал... Сработает или нет?

Прошла минута. Ничего не происходило. В джунглях наверху стояла тишина. Нвокеди опустил голову и посмотрел на собственные плечо и руку – «хамелеон» сработал. Надо бы еще вчера наглотаться гипномина, можно было это сделать прямо на бегу, а он не подумал. Для того ведь и таскают с собой это средство, чтоб вспоминать то, что нужно, тогда, когда нужно... Нвокеди сознавал, что бесполезно ругать себя за промах. Не только ведь об этом не подумал –

вообще ни о чем не думал, кроме своего эксперимента, слишком многое не предвидел, слишком многое не учел...

Прошла вторая минута. Кажется, получилось... В следующий момент тяжелая черная туша с ревом обрушилась прямо на него. Нвокеди еле успел отскочить в сторону, подпрыгнул, ухватился за свисающие сверху корни и одним рывком выбрался наверх. Нет, бесполезно прятаться. Бежать, бежать! Катер уже недалеко, километра полтора... Сзади время от времени раздавался не то визг, не то вой. Нвокеди напрягал все силы, чувствуя, что его догоняют. Он уже слышал шумное азартное дыхание передового преследователя, потом тот прыгнул. Нвокеди понял это чисто интуитивно, рванулся вперед, но что-то толкнуло его в спину, и он свалился, с размаху проехавшись по прелым листьям. Зверь мягко упал рядом на все четыре. Нвокеди увидел оскаленную пасть, занесенную для удара когтистую лапу, перекатился в сторону, выхватил пистолет и выстрелил. Пуля попала обезьянощеру в горло, он захрипел и вскинулся вверх, а Нвокеди перевел предохранитель в режим автоматического огня и снова нажал спуск. Грудь зверя вскипела кровавыми гейзерами от прямых попаданий, окружающий мир потонул в грохоте выстрелов. Нвокеди снова перекатился и попытался встать, но второй обезьянощер тут же сшиб его с ног. Он отлетел далеко в сторону, врезался плечом в некстати подвернувшееся тонкое деревце, вскочил и рванул не разбирая дороги. Пистолет он потерял, остался только нож; шансы выжить из минимальных превратились в почти нулевые. Добраться до катера... В голове шумело. А что если твари уже отрезали его от катера, устроили засаду на дороге? Нвокеди на бегу вытащил из кармана SOS-передатчик и нажал кнопку сигнала бедствия. Плевать на Комитет по контактам, на судебное преследование плевать, лишь бы выбраться отсюда... Если еще не поздно. По всем признакам выходило, что поздно...

– Паго, что происходит?

Молодец, Клен, первым на меня вышел... Ну да, ведь он за мной следил, сообразил Нвокеди. Я сам приказал ему... Мысли путались. В груди болело. И еще болела голова.

– Клен, я попал в переделку... Далек ты?

– Семьсот двадцать метров по прямой... Семьсот пять. Но по прямой ты не пройдешь, там болото. Возьми вправо.

Всего семьсот метров? Может, зря поторопился и послал SOS... Нвокеди послушно свернул направо.

– Шестьсот сорок метров, – сообщил киб-мастер. – Теперь влево и вдоль болота. Видишь его?

– Да...

– Говорит Служба охраны заповедников, – послышался из передатчика другой голос. – На связи Герман Левицкий... Вы в состоянии говорить?

Отвечать? Не отвечать? Сзади не смолкал шум погони. Хоть отвечай, хоть нет – после получения сигнала бедствия СОЗ начинает спасательную операцию автоматически. Если успеть добежать до катера, взлететь, добраться до лагеря и установить на место снятый маяк... Тогда еще будет можно все как-то объяснить... Нет, ты неисправимый оптимист, Паго. И глупец тоже неисправимый...

– Двести семьдесят метров, – сообщил Клен. – Теперь давай опять влево, потом прямо. Уверен, что не хочешь ответить этому парню?

– Нет, не уверен... – Мысли сбивались. – Не уверен, но отвечать не буду. И ты молчи. Потом разберемся.

Судя по звукам сзади, твари нагоняли. Нвокеди мельком оглянулся – боже, метрах в пятнадцати, не больше. Пятеро...

Он уже видел поляну в просветах между деревьями.

– Говорит смотритель Герман Левицкий. Иду к вам, держитесь... Вы можете ответить? Вы...

Голос захлебнулся в сплошных помехах, уши разодрал жуткий визг и рев сзади. Преодолевая внезапно накатившую слабость, Нвокеди проскочил редкий кустарник и выбежал на поляну. Прямо перед ним, в двух метрах над землей завис катер, трап опущен. Наверху, словно воплощение надежды, темнел открытый люк шлюзовой камеры. Вперед, вперед... Ноги стали непослушными, но Нвокеди заставил себя добраться до трапа и встать на нижнюю ступеньку. Сейчас Клен втащит его внутрь. Сейчас... Трап остался на месте.

Скрипя зубами, Нвокеди полез наверх. Перед глазами все прыгало, к горлу подступала тошнота. Господи, да что ж это такое?

Он наконец добрался до люка и бессильно свалился на пол шлюза.

– Закрой люк, Клен... Закрывай этот чертов люк и стартуем!

Клен не отвечал.

SOS-передатчик тоже вышел из строя? Да, вероятно; но ведь теперь ему не нужен передатчик. Клен может слышать его повсюду внутри корабля... Может – но не слышал.

– Клен! Клен!..

Нвокеди с величайшим трудом поднялся на ноги. Внизу, у трапа, стоял огромный обезьянощер. Вот он взялся за перила когтистой лапищей и стал неловко подниматься по ступеням. Длинный хвост волочился сзади. Нвокеди добрался до рычага аварийного закрытия люка, ухватился обеими руками, дернул, снова повалился на пол и потерял сознание. Тяжелая бронированная плита мягко скользнула вниз, закрывая проем.

Уведомление о ЧП было передано зрителем Левицким на узловую орбитальную станцию «СОЗ-Тихая» сразу после того, как он осмотрел место происшествия и установил личность потерпевшего. Оттуда информация ушла на базу экспедиции ККВЦ в секторе восемнадцать.

– Вот паскудник, – сказал Бабурин, имея в виду Нвокеди. – Он все-таки был в районе стариц.

– Такое ощущение, что Иванов совсем не следит за своими людьми, – заметил Шентао.

– Следит, Кэй, еще как следит. Но он не может высаживаться на планету с каждым специалистом. И потом – у нас что, с дисциплиной все в порядке? Взять хотя бы случай с этой зоопсихологиней Анке Солф...

Шентао скривился как от попытки разгрызть орех большим зубом. Одно только воспоминание о выходке «этой зоопсихологини» вгоняло его в глубокий стресс.

– Ладно, замнем для ясности, – сказал Бабурин.

– Замнем, – печально вздохнул Шентао.

– Так вот – Нвокеди у стариц был. И что ты теперь скажешь о связи между бурями помех и деятельностью людей?

– То же самое. Оснований для окончательных выводов пока недостаточно.

– Согласен. Но и ты согласишься, что их стало больше.

– Согласен.

Разговаривая, оба руководителя экспедиции уже шли к ангару. Дежурный техник как раз выводил оттуда открытый шестиместный аэроглиссер, похожий на летающий катамаран. Только «поплавки» его служили в качестве багажных отсеков, а общую ажурность конструкции нарушала плита антигравитационной платформы внизу. Рядом стояли четверо молодых парней в стандартных комбезах с эмблемами Комитета по контактам. Один тут же занял место пилота.

– В район Малых стариц, – сказал ему Бабурин.

– Там ведь сейчас зрители работают? – спросил тот.

– Ну да, а мы прилетим и будем им мешать... Ладно, шутки в сторону. Задача у нас простая: исследуем район ЧП на предмет наличия следов горилл Фостера. Дальше – по обстоятельствам.

Глава 5

Засидевшись с отчетами допоздна, утром я встал позже обычного и слегка окостеневший. Поэтому на прогулку не пошел, а велел Полли выдвинуть тренажер, влез в него, выставил нагрузку на максимум и принялся прокачивать одну группу мышц за другой, наращивая скорость. Тренажер, не привыкший к такому обращению, жалобно стонал, но держался. Четыре дня назад у меня получилось его сломать, и я не терял надежды повторить успех до отбытия из Уивертауна.

– Вы в отличной форме, мистер Дуглас, – похвалила меня Полли, когда я оставил тренажер в покое.

– Остатки роскоши былой, – возразил я, направляясь в душ. – Доведись сейчас восстановиться в армии, едва-едва сошел бы за доходягу.

Однако я знал, что в армию по доброй воле не вернусь, – потому и позволял себе всяческие поблажки, как и положено гражданскому. Конечно, я упрямый, и уроки жизни усваиваю не всегда легко, – но зато накрепко. В свое время потребовалось четыре года службы в самых костоломных частях спецназа ВКС, прежде чем до меня дошло, что убивать людей, пусть даже они законченные поганцы, совсем не весело. Тогда я ушел в медицину, чтобы их лечить. В том числе поганцев, – но главным образом всех остальных. Жаль, что моего благородного порыва хватило ненадолго.

Устроив себе теплый летний дождик, я постоял под ним немного, вышел из кабинки и растерся полотенцем. Когда вернулся в комнату, запиликал сигнал вызова: Полли сообщила, что на связи Земля, Монреаль. Ближайшая стена превратилась в экранон и протаяла прямо в наш офис. Там никого не было, кроме хмурого и озабоченного Крейга.

– Включи обратку, – проворчал он вместо приветствия. – Я тебя не вижу.

– Я еще халат не надел, – огрызнулся я.

– Ну и что? Думаешь, в халате ты красивее, чем голый?

– Ладно, Полли, включи ему, – сказал я. При случае Крейг мог становиться еще сварливее чем Кэт, а ругаться с ним сегодня мне не хотелось.

– У тебя там давно утро, – проинформировал меня он. – Чем ты там занимаешься, хочется знать? Я бы на твоём месте занимался делом.

– Жаль, что ты не на моём месте, старый брюзга.

– До сих пор ничего? – спросил Крейг с пониманием, меняя тон на глубоко сочувствующий.

– Как ты догадался? – спросил я в ответ, соорудив заинтересованную физиономию.

– Да не переживай ты так, никто тебя не винит.

– Еще бы не хватало... Знаешь, у меня предчувствие, что торчать на Безымянной дальше бесполезно. На церемонию закрытия конгресса оставаться тем более не хочу.

– Тогда возвращайся.

– А где остальные?

– У нас тут тоже утро... То есть на улице полдень, но Кэт еще спит, и будить ее ради консенсуса я не буду – она меня порвет. Малыш сидит в имитаторе, и ему, как догадываешься, плевать на консенсусы. Так что прилетай – все обсудим без спешки. На крайний случай можем заняться какой-нибудь мелочевкой – бивнями, чучелами, шкурами...

– Ну да! – обрадовался я. – Устроимся работать в налоговую полицию и сдерем по три шкуры с каждого, кто попадет к нам в лапы.

Крейг обиженно фыркнул и отключился.

Когда решение принято, я не люблю откладывать его осуществление, однако до вылета на Землю мне предстояло решить кучу вопросов. Полли, связавшись с информаторием пас-

сажирского космопорта, сообщила, что ближайший подходящий рейс ожидается через десять часов, и я везде успевал. Первым делом отправился на Второй космодром и лично убедился, что с нашим кораблем все в порядке. Простой трансгалакта был бы страшным расточительством, и мы всегда старались сдать его внаем, когда не использовали сами. Последние четыре месяца «Артемида» возила удобрения с Этоли на Анагиту и еще куда-то, а теперь стояла в двенадцатом ангаре, площадка номер семь. Без громоздкого грузового отсека, который сейчас болтался где-то на орбите Безымянной, она выглядела необычайно легкой и грациозной. Я прошел в рубку, сел в пилотское кресло и развернул его от пульта.

Воздух напротив меня сгустился, вспыхнул тысячами искр, взорвался маленьким фейерверком, и в рубке материализовалась красивая черноволосая девушка, неуловимо похожая на Кэт.

– Диана, милая, – сказал я. – Для кибя класса «абсолют» ты слишком любишь спецэффекты.

Диана улыбнулась и сказала, что она просто по мне соскучилась. Имена кораблю и киб-мастеру присвоила Кэт, что дало всем нашим знакомым массу поводов для шуток насчет убогой охотничьей фантазии и так далее – конечно, когда не слышала Кэт.

– Ну, как себя чувствуешь? – спросил я. – Эти торговцы тебя не обижали?

– Они превысили предельные сроки аренды на двое независимых суток, – ответила Диана. – И теперь должны выплатить неустойку.

Это была хорошая новость. Я не испытываю особой радости, когда у других людей неприятности, но бизнес есть бизнес, за просрочки приходится платить, а в нашем теперешнем положении любые лишние деньги могли помочь фирме пережить тяжелые времена.

Диана стояла передо мной, ожидая распоряжений. Хотя что я мог сказать ей такого, чего бы она не знала гораздо лучше меня и к чему уже не успела бы подготовиться? Интеллект Дианы в тысячи раз превосходил мой собственный. Она доподлинно изучила нужды фирмы, чувствовала мое текущее психофизическое состояние и была способна угадать любую просьбу до того, как я ее выскажу. Если мне и требовалось что-то говорить, так только для того, чтобы просто пообщаться. Потому что я тоже по ней соскучился. Больше всего мне хотелось ее обнять и расцеловать, – но, к сожалению, это было невозможно.

– Хочешь апельсинового сока? – спросила Диана.

Я кивнул. Конечно, она не ошиблась. Корабельная «жучка» моментом доставила сок с камбуза. Если только не стояла с ним наготове в коридоре.

– Тебе придет почта, – сказал я Диане, забирая стаканчик с подноса. – Обычная информация по экспедициям прошлого сезона, уже с моими пометками. Я сделаю стандартный заказ на боеприпасы и продовольствие – примешь и разложишь по полочкам. Пока неясно, куда мы отправимся и когда, так что будь готова в любой момент принять также и дополнительный груз. Свяжись с тем орбитальным комплексом, куда загнали наш «грузовик», и проследи, чтоб его хорошенько почистили после этих чертовых удобрений. Помнишь случай со «Скаутом»?

– Конечно, – кивнула Диана. – Все звери, которых он вез с Сааха, передохли, потому что оказались чувствительны к нитрату калия.

– Правильно. Не нужно, чтобы история повторилась.

– Все сделаю, – пообещала Диана. – Ты даже не представляешь, как мне надоели эти дешевые торгаши. У них только и разговоров что о...

Она, не договорив, махнула рукой, и я в очередной раз поразился, как много в ней человеческого. Мой брат Майк в свое время основательно поработал над Дианой. Очень основательно.

– Ты возвращаешься на Землю? – спросила она.

– Да.

– Счастливо добраться. Поцелуй за меня Кэт и обними ребят.

– А ты будь осторожна. Извини, что лишний раз напоминаю, но мы уже привыкли за тебя переживать.

Закон об искусственных интеллектах был жесток и не допускал двояких толкований: матричные кристаллы кибов не должны подвергаться физическим и программным воздействиям с целью изменения первичных параметров и установок. В противном случае они подлежали уничтожению.

– Обещаю быть осторожной на грани самой постыдной трусости, – сказала Диана. – Так что не волнуйся.

Ее фигура подернулась рябью, поплыла и пропала, хотя, конечно, она все равно осталась рядом. Она была здесь везде, управляла всем, смотрела на мир глазами камер, непрерывно прощупывала пространство внутри и снаружи корабля сотнями сенсоров. Собственно, органов чувств у нее было куда больше, чем у людей. О чем она думала? Ей не надо есть, ей не надо спать. Она никогда не уставала...

Выйдя из ангара, я столкнулся со Стивом Шарпом, который мог считаться весьма колоритной личностью даже в таком пестром сборище, как ООЗ. Чуть выше меня ростом, плотный, темнокожий, Шарп прославился тем, что во время Большой войны успел повоевать как за мятежников, так и за федералов, нанеся немалый ущерб обеим сторонам. В ООЗ шутили, что если б война вовремя не кончилась, то Шарп со своим подразделением непременно истребил бы обе армии, и стал диктатором Земной Федерации и Республики Свободы одновременно. Шарп подобных шуток не любил (если только сам не был их автором), хмурился, исподлобья глядел на остролова и стискивал кулачищи; но в силу врожденной легкости характера обычно не выдерживал линию и начинал ржать.

С ним было хорошо дружить, и мы дружили; он был прекрасным товарищем и одним из немногих людей в обитаемой части Вселенной, с кем ни разу не поругалась Кэт. Шарп сообщил, что его «Миротворец» стоит в ангаре напротив, а он сам только что взял заказ на отлов гигантских лягв Бундегеша. Мы немного поспорили, стоит ли держать корабль в тринадцатом ангаре, если ты собираешься на Бундегеш за лягвами. Шарп сказал, что он не верит в приметы, а я пообещал хорошенько погулять на его поминках – вне зависимости от того, во что он верил при жизни. Шарп отмахнулся и спросил, почему бы нам не присоединиться к нему, раз у нас все равно нет заказов.

– Так и быть, поделюсь с вами контрактом, – сказал он, отечески улыбаясь. – С армии привык помогать новобранцам.

– Удивлюсь, если скажешь, что кто-то из твоих новобранцев протянул неделю после вербовки, – ответил я. – С такой помощью на этом свете не заживешься! Контрактом на бундегешских лягв незачем делиться – он всегда открыт, не один так другой. Любой может отправиться ловить этих тварей, но почему-то находится мало желающих. Разве что старички вроде тебя, которым все равно пора на кладбище.

– Это я старичок? Да у меня жизнь только начинается!

– Тогда, может, присоединишься к нам? Скорее всего, пойдем за трофеями. И, скорее всего, начнем с Инферны.

– Ну это еще подумать надо, стоит ли мне связываться с такими зелеными новобранцами, – тут же уперся Шарп. – Инферна – и без того опасное место, чтоб еще опекать там четырех беспомощных птенчиков!

В этом духе мы проболтали пару минут, пока Шарп не помянул Берка. Похоже, Берк становился дежурной темой любого трепа, в котором я участвовал. Мы в подробностях обсудили, что лучше – попасть на зуб к рэдвольфу, сгинуть на Инферне или мирно почить в желудке гигантской лягвы. После чего Шарп поручил мне передать его дружеский пинок под зад всем остальным новобранцам в нашей команде, и мы расстались.

Вернувшись в город, я нанес визит вежливости президенту ООЗ, но его не оказалось на месте. Наскоро перекусив в кафе на Крокет-стрит, заодно просмотрел каталог оружия, но заказывать ничего не стал – посоветуюсь сперва с остальными. Сгонял по-быстрому на улицу Чучельников к Элу и Салли Медоузам, которые владели одной из лучших трофейных мастерских в Уивертауне. Медоузы заверили меня, что любую достаточно страшную башку с достаточно здоровыми клыками они возьмут у нас без проблем. Что же касается шкур, то Салли вручила мне прайсы с подробными описаниями: чего, почем и сколько они купят. Побывав еще в десятке различных фирм и организаций, встретившись и переговорив с полусотней разных нужных людей, я наконец вернулся в номер и прилег отдохнуть.

Встав за час до отлета, машинально обшарил глазами комнату – не забыл ли чего. Хотя что я мог забыть – Полли с помощью «жучки» уже упаковала все вещи и отправила багаж в космопорт.

– Всего хорошего, Полли, – сказал я. – Надеюсь, твои биокристаллические мозги не слишком пострадали за две недели общения со мной.

– Ну что вы, мистер Дуглас, нисколько, – ответила она. – Вы были просто замечательным постояльцем! Надеюсь, вы уже забронировали место в нашем отеле на будущий год?

– Вот хитрюшка, прекрасно знаешь, что да, у тебя постоянная связь с главным киб-мастером «Козерога». Заказал твой номер, и если меня в этом сезоне не съест какая-нибудь зверюга, то я обязательно прибуду на следующий конгресс.

– Очень вам благодарна, мистер Дуглас, – промолвила Полли, и в ее голосе мне вдруг почудилась чисто человеческая признательность. Или показалось? Наверное, показалось, после сегодняшнего разговора с Дианой. – Я, конечно, сохраню все ваши настройки в памяти. До встречи через год.

– Не скучай тут без меня, – сказал я. – И береги «жучку».

Добравшись до космопорта и пройдя контроль, я сел в крохотный автомобильчик, который на бешеной скорости покрыл три километра до взлетной площадки номер один, где возвышалась громада трансгалактического экспресса «Гранд». Оказавшись в своей каюте, я загрузил настройки киб-мастеру, вспомнил, что с этой сегодняшней беготней мне так и не удалось за весь день нормально поесть, и направился в столовую. Она оказалась избыточно просторна и обставлена с вызывающей роскошью. Еда здесь тоже была будь здоров – это я понял сразу же, как открыл меню. Развернувшийся в воздухе экран прокрутил такой список, по адресу которого даже Даген не смог бы сказать дурного слова.

Уплетая телячьи почки, запеченные с ветчиной и грибами, я так увлекся этим занятием, что не сразу обратил внимание на тех двоих, что подошли и сели за столик неподалеку. Нас отделял друг от друга здоровенный плоский аквариум, буйно заросший водорослями, и я своих соседей плохо видел, но слышал довольно хорошо. Меня они не заметили, а больше в столовой никого не было, поэтому говорили не стесняясь.

– Зря ты сам отправился на Ульмо, Маркус, – сказал один. – Лучше бы поручил это кому-то еще. Твое лицо всем примелькалось в новостях... – Последних слов я не разобрал, аквариум все же сильно глушил звук, да я и не особенно прислушивался.

– Не было времени, – ответил второй противным скрипучим голосом, показавшимся мне знакомым. – Этот свежий инцидент на Тихой... – Снова неразборчиво, а дальше: – ... Паго Нвокеди, ксенокультуролог. Те же симптомы, что и у Берка. Четвертый отмеченный нами случай – сомнений быть не может. И Берк единственный, кого мы способны без затруднений уговорить заняться отловом...

Это было уж слишком. От неожиданности я даже перестал есть.

Я всегда считал, что во Вселенной все взаимосвязано, а случайностей не бывает. И если несколько человек, связанных или не связанных между собой, в течение двух дней упорно заводят разговор о парне, про которого ты до этого вспоминал раз в полгода, то стоит приза-

думаться. Ладно бы история с Берком подняла большой шум – но она прошла незаметно, и если я не ошибся на счет архива по Тихой, кто-то приложил немало усилий, стремясь сделать ее еще незаметнее.

Казалось, что меня ведет от одной встречи к другой невидимая рука. Да еще этот кошмар, в котором я видел именно Тихую...

Общение за аквариумом меж тем продолжалось:

– Если все подтвердится... Думаю, не нужно объяснять тебе, сколь важны станут для нас подопытные экземпляры.

В этот момент собеседник Скрипучего Голоса, или он сам, или они оба, должно быть, наконец заметили меня сквозь сплетение водорослей, потому что никто не меняет так круто тему разговора без причины:

– Этот кофе совсем не плох... Судя по вкусу, с плантаций Порсены. Ты к себе? До Ино путь не близкий, загляни через пару часов, поболтаем...

На этом они поднялись из-за стола и вышли. Их лиц я так и не увидел.

Черта лысого – через пару часов, наверняка они отправились в каюту прямо из столовой, там и закончат разговор.

Скрипучий Голос летел с Ульмо, его визави, судя по всему, сел вместе со мной на Безымянной. И если они даже до старта потерпеть не могли, так значит, тема Берка для них крайне важна; не будут они ждать ни пару часов, ни пару минут, но все это меня не касалось. Беспокоило другое: где я мог раньше встречаться с этим скрипучим парнем? А в том, что я с ним встречался, не было сомнений, и обстоятельства, кажется, были так же неприятны, как и его голос. Я начал было перебирать в памяти всех людей по имени Маркус, которых знал, но тут же строго себя одернул. Мог ведь просто встать и посмотреть, кто это, пока они сидели здесь, а теперь уже поздно. Лучше всего снова вернуться к почкам с грибами.

– Господа пассажиры! – зажурчал из динамиков приветливый голос. – Мы рады приветствовать вас на борту трансгалактического лайнера «Гранд», следующего по маршруту Портуми – Фаута – Ульмо – Безымянная – Ино – Этоли – Земля. Старт из космопорта Уивертаун через десять секунд. Девять, восемь, семь...

Одновременно с окончанием отсчета луч орбитального антигравитационного подъемника подхватил корабль и потащил его за пределы атмосферы, но внутри это никак не ощущалось. Когда я принялся за десерт, откуда-то со стороны кормы по гигантскому телу лайнера прошла еле заметная вибрация – «Гранд» включил разгонные двигатели.

Десерт был восхитителен, да и кофе – с плантаций Порсены или откуда еще – весьма хорош. Обед всегда кажется вкуснее при мысли, что ты в командировке, и все оплачивает фирма. Даже назойливые мысли на всякие посторонние темы не сумели испортить мне удовольствие.

Вернувшись в каюту, я велел киб-мастеру приглушить свет, завалился прямо в одежде на кровать и стал думать о Берке. Пожалуй, вся эта история с Тихой занимала меня куда больше, чем я был готов себе признать.

Джонни Берк был в охотничьих кругах человек известный: как правильно заметил в разговоре со мной Джош – «из самых». Его знали как искусного и невероятно удачливого зверолова уже тогда, когда я впервые пришел в бизнес двенадцать лет назад. А ведь он к тому времени сам был в деле всего лишь два года – маловато для приобретения славы, но у него получилось. Берк слыл индивидуалистом, поскольку хоть и не избегал совместных предприятий, всегда старался разыграть в общей партии собственную карту. За это его не любили, хотя когда дело касалось исполнения обязательств или дележа добычи, он никогда не пытался надуть компаньонов. Напротив, Берк был способен на широкие жесты: мог уступить напарникам самый перспективный и сулящий богатую добычу участок, себе брал что останется, какую-нибудь пустошь, на которой, казалось бы, не выловить и жалкой козьявки – и неизменно доби-

вался успеха. За это его не любили еще больше, не любили и завидовали. А он, взяв одной левой то, что другой не удержал бы двумя руками, и там, где никому в голову не приходило что-то искать, делал вид, что ничего особенного не совершил – да, похоже, и вправду считал так.

После первого же рейса, который он совершил в команде Джоша, тот назначил его командиром экипажа. После второго Берк уже оказался в состоянии приобрести корабль, сам нанял людей и открыл собственную фирму. Казалось, стоит ему расставить сети и засесть в засаде – все равно где – и звери сами шли в ловушки и на выстрел, причем, разумеется, самые редкие и ценные экземпляры. Если бы так продолжалось сезон или два, никто бы и внимания не обратил. Но годы проходили за годами, а Берк постоянно возвращался из экспедиций с переполненным грузовым отсеком.

Сменив несколько фирм, я наконец попал к Берку; там, кстати, и познакомился с Кэт, которая была тогда у него командиром экипажа. Сотрудничество наше продолжалось недолго, несмотря на то, что зарабатывал я как никогда прежде. Мне, как и всем, не нравилась манера Джонни вести дела, не посвящая никого в свои планы даже на полчаса вперед, не нравилось его плохо скрываемое пренебрежение к людям, менее умелым и талантливым чем он. Правда я, в противовес его завистникам, всегда признавал, что охотник он, конечно, от бога, и ни простая удача, ни, тем более, черная магия тут ни при чем. Я заработал кучу денег (с Берком это не составляло труда), добился того, что он сделал меня командиром экипажа, тем самым признав мои собственные таланты, и уволился, занявшись сопровождением по злачным охотничьим угольям той категории богатых бездельников, что желают пополнять свои домашние зверинцы непременно лично.

Продвигая вперед собственный бизнес, Берка я из виду не терял, да и трудновато это сделать, когда речь идет о таком человеке. Берк не был жаден до денег, но и не позволял им пройти мимо; никогда не ввязывался в проект, если тот не сулил прибыли, и притом немедленной и крупной; так почему же он отправился на Тихую? Ведь вопрос не то что поимки, но и самого существования рэдвольфа серьезно не обсуждался ни среди охотников, ни в научных кругах. Вариантов могло быть только два – или рэдвольф действительно существует, или Берк рехнулся. Я, сколько ни размышлял, не смог поверить ни в один из них. Но если бы пришлось выбирать, выбрал бы первый. Потому что слишком хорошо знал Берка – никогда он не стал бы гоняться за призраком.

Я почувствовал, как по телу пробежал жутковатый и одновременно приятный холодок – предвкушение неизведанного. Что-то похожее бывает, когда заходишь в реку по пояс и готовишься нырнуть с головой. Когда-то жажда приключений толкнула меня променять хорошо оплачиваемую работу биомеханика на увлекательную и рискованную профессию охотника с непостоянным заработком и неясным будущим. И хоть мне не пришлось ни разу об этом пожалеть, но я надеялся, что с тех пор стал не только старше, но и мудрее. И теперь, ощутив знакомое, смутное, но от этого не менее сильное влечение к чему-то, зовущему к себе издалека, я жестко задавил это желание, разделся и лег спать. У меня даже получилось не думать о Берке и заснуть уже минуты через три. Однако встав утром и совершив основательный променады по всем пяти палубам «Гранда», я вернулся в каюту и сказал киб-мастеру:

– Соедини меня с Безымянной. Мне нужен Джошуа Паркер Маттерсон, охотник, владелец корабля «Ковчег».

Ну а что делать? Противостоять собственному любопытству нелегко, а тут еще «Гранд» как раз вынырнул из Ф-коридора и стал сбрасывать скорость перед выходом на орбиту Ино. Самое удобное время для связи.

Джош нашелся на Втором космодроме Уивертауна, в собственном корабле. На сей раз он был абсолютно трезв, а еще хмур и неприветлив.

– Ну? – рыкнул он на меня, а я подумал о том, что Берк тоже всегда предпочитал корабль отелю.

– Знаю, что играть с тобой бесполезно, – начал я. – Но ты же понимаешь, что и со мной тоже. Так что поговорим напрямую, ага?

– Ну? – рыкнул Джош еще раз.

– Я сильно хочу знать, отчего ты так расстроился из-за Берка. Всем известно, что напиваешься ты раз в десятилетие.

Он долго изучал меня своим сканирующим взглядом. Я подумал что «Гранд» успеет сесть на Ино, взлететь и снова уйти в коридор, прежде чем Джош ответит. И дело было конечно не в том, что сеанс оплачивал я, а он мог о деньгах не беспокоиться.

– Ладно, Пит, – сказал он наконец. – От меня не убудет. Это я рассказал Берку про рэдвольфа.

– И?

Однако я уже понял, что продолжения не последует. Джош не скажет больше ничего. Вот хоть рви его на части – не скажет. А я и порвать не мог, и он это знал. Но он и так сказал достаточно. Расскажи Берку о рэдвольфе кто другой, это было бы просто байкой и ничем более. Но Джош был охотником с таким стажем и такой репутацией, что любое его слово относительно животных равнялось гарантии. В данном конкретном случае – гарантии существования рэдвольфа.

Глава 6

Завершив обязательный ежедневный облет подконтрольного ему участка заповедника, Герман Левицкий вернулся на орбитальную станцию «Сектор-18», принадлежащую Управлению по охране природы. Поставив свой катер класса «атмосфера-4» по имени «Беркут» на его законное место в ряду таких же точно «четверок», Герман вышел и привычно окинул взглядом ангар. Четыре робота техобслуживания возились вокруг узла заправки энергоблоков, еще три спешили к «Беркуту». Добравшись до катера, тройка разделилась – один робот вполз по опущенному трапу внутрь, второй забрался наверх, третий нырнул под брюхо корабля. Больше в просторном помещении ангара никакого движения не наблюдалось.

Раньше здесь непрерывно кипела работа: кто-то стартовал, кто-то возвращался, шесть катеров одновременно проходили предстартовые или послерейсовые проверки. В пункте управления работала смена дежурных техников и обязательно болтались двое-трое зрителей – в ожидании своей очереди на облет участка или просто убивая время за неимением более интересного занятия. Ребятишки из семей сотрудников постоянно умудрялись пробираться сюда поиграть, несмотря на суровый запрет и все меры предосторожности... Так было всегда с тех пор, когда десять лет назад молодой Герман Левицкий, уволившись из ВКС, устроился работать в Службу охраны заповедников и впервые попал на «Сектор-18» – одну из двадцати четырех станций, объединенных в контрольно-исследовательскую систему «Заповедник «Тихая» – орбита». Так было и четыре года назад, когда в связи с кризисом правительство урезало финансирование УОП, и там впервые заговорили о сокращении штатов.

Сначала свернули научные программы. Следом за учеными пришлось собирать вещи половине сотрудников техслужб. Но и после этого никто всерьез не опасался, что Управление пойдет на уменьшение числа рабочих мест зрителей – костяка и основы основ СОЗ. Однако оно пошло на это. В каждом секторе ликвидировали подсекторы «Юг» и «Север», оставив только «Центр»; корпус зрителей сократился сразу втрое.

Первый жестокий удар по системе контроля, фактически оголивший планету, оказался не последним. Увольнения, больше похожие на репрессии, продолжались. Сначала упразднили дополнительную смену, потом произошло сокращение рабочих смен. А кончилось тем, что в итоге на некогда многолюдной станции из зрителей остался только Герман Левицкий.

В настоящее время все население «Сектора-18» насчитывало три человека: он сам, его жена Эвелин, исполняющая обязанности старшего техника, и их сын Эрик. Несмотря на то, что мальчику было только тринадцать (на днях стукнет четырнадцать, ты обязан его хоть чем-то порадовать, напомнил себе Герман), он фактически выполнял работу наблюдателя. Именно он дежурил неделю назад, когда пришел сигнал бедствия с поверхности планеты, и действовал не хуже любого взрослого – работая в паре с киб-мастером станции, проанализировал наличную информацию, дал команду на пункт управления вывести катер на стартовую площадку и разбудил отца. Герман плюхнулся в пилотское кресло одновременно с сигналом готовности к старту, подготовленный сыном материал просмотрел уже по дороге – там было все, начиная с погодных условий в районе поиска и кончая сценариями предстоящей спасательной операции.

Молодец он у меня, с гордостью подумал Герман. (Тем более – постарайся придумать что-то ему на четырнадцатилетие!) Эрик рос удивительно любознательным и вдумчивым, причем любознательность его носила строго целенаправленный характер: если уж он чем-то увлекался, то всерьез и надолго. Недавно опять нашел себе занятие – пытался разгадать секрет непонятной энергоинформационной активности, очаги которой иногда внезапно возникали в самых разных уголках Тихой и столь же внезапно исчезали, не имея никаких видимых причин и не оставляя после себя поддающихся изучению следов.

Герман, как и каждый, кто работал на Тихой, был знаком с этой проблемой. Биополе планеты, имеющее на экранах орбитальных биорадаров вид окутывающего Тихую тумана красноватого цвета, вдруг начинало вибрировать, шло волнами, как поверхность воды, в которую бросили камень. Иногда волны мощных возмущений обегали всю планету и возвращались к месту «падения камня». Одновременно катастрофически портилась связь. Причем помехи шли на уровне первичных информпотоков, и справиться с этим не всегда могли даже мощнейшие векторные передатчики. Ничего подобного ученые не наблюдали ни в одном из миров земного типа...

Герман очнулся от раздумий, мельком сам себе удивившись. Обычно ему было свойственно совсем другое – меньше размышлять, больше действовать.

А если бы наоборот, может, и не торчал бы сейчас в таком дерьме, с ехидством заметил внутренний голос. Мог бы остаться в армии, в которой нет и не предвидится сокращения штатов, в которой нет и не предвидится урезания жалования, и не пришлось бы сейчас ломать голову, как выполнить данное сыну еще три года назад обещание взять его с собой на самое настоящее сафари по Аквилее...

Герман тряхнул головой, отгоняя невеселые мысли. Он не считал нужным заниматься бесполезным самобичеванием по поводу когда-то принятых решений, даже если они оказались не совсем удачными. А вот поохотиться с сыном на Аквилее, похоже, не получится и в этом году, это правда.

Герман еще раз окинул взглядом ангар. Мерзость запустения – вот как бы он мог коротко охарактеризовать то, что видел. Станция функционировала, но едва ли при этом использовалась десятая часть рабочих мощностей. То же самое, он знал, и на всех остальных двадцати трех станциях системы «СОЗ-Тихая». То же самое на станциях остальных заповедников А-группы. О рядовых природоохранных заповедниках и речи нет – там дела обстояли еще хуже.

Поднявшись на лифте из техблока станции в жилищно-хозяйственный блок, Герман первым делом прошел в душ и долго стоял под струями воды, стараясь расслабиться. Чувствовал он себя не то чтобы плохо, но на сердце было прескверно, и ему не хотелось случайно испортить настроение жене и сыну.

Подходило время обеда. Эвелин уже наверняка на камбузе, готовит что-нибудь вкусненькое. Повезло тебе с женой, смотритель, улыбнулся про себя Герман. Повезло гораздо больше, чем ты того заслуживаешь. Хорошо, что Эрик пошел в нее, а не в тебя... Где он сейчас? Да как обычно – сидит, наверное, на пункте наблюдения или опять гоняет киб-мастера научного отдела по интересующим его вопросам. «Эффект брошенного камня» и прочее... Кажется, информаторий – единственное, что у нас работает с полной нагрузкой, подумал Герман. Эрика давно знали в лицо все научники независимого центра «Тихая», он не раз бывал у них в гостях в большом орбитальном комплексе, и даже заслужил похвалу самого Иванова. Всемирно известный ученый, совершивший за свою долгую карьеру десятки громких открытий, не поленился лично связаться с «Сектором-18».

– Ваш сын, как мне представляется, имеет все задатки талантливого исследователя, – сказал Иванов. – Не мое, конечно, дело вам указывать, господин Левицкий, но на вашем месте я приложил бы все усилия для того, чтобы по окончании общеобразовательной школьной программы отправить Эрика учиться в Институт внеземных цивилизаций – или любой другой, который он выберет. Я лично готов дать свою рекомендацию, а по окончании учебы предоставить Эрику возможность пройти практику здесь, у нас – если только к тому времени все еще буду директором.

– Спасибо, – выдавил удивленный и одновременно польщенный Герман.

– Не за что. Такой энтузиазм и прилежание, как у вашего мальчика, всегда приятно видеть. Что же касается дисциплинированности... – Тут Иванов метнул свирепый взгляд в сто-

рону – на кого-то, кого Герман на экране видеть не мог. – Что касается вопросов дисциплины и корректности исследований, то у него могли бы поучиться многие наши сотрудники со стажем.

Герман вышел из душа и тщательно растерся полотенцем. Мысли о том, что у Эрика, возможно, большое будущее, заметно подняли ему настроение. Сам он был человеком простым, можно сказать – ограниченным, из-за чего втайне страдал. Даже близкие друзья, он знал это, втихомолку над ним посмеивались.

Герман пожал могучими плечами. Что ж, пускай он ограниченный человек. Но в этом мире пока еще есть место людям, подобным ему, простым и прямым, как ровная дорога, с такими же прямыми взглядами на жизнь. Он решал что-то – и делал, не заглядывая далеко вперед, да и не был на это способен. Просто изо дня в день выполнял свою работу. Может, сыну повезет в жизни больше. Надо подумать, где достать денег на институт... И как, черт тебя возьми, ты собираешься отметить его день рождения, решил наконец? Попробуй устроить праздник – и Эрику... и Эвелин. Ей тоже... Уже три года Герман не был в отпуске, и три года они никуда не выезжали вместе. Эвелин отказалась лететь куда-то без него. Эрик сперва летал погостить к родителям жены, но на этот раз не захотел и остался.

Герман прошел по коридору на камбуз. Последний год, когда Левицкие остались на станции совсем одни, они отказались от обедов в кают-компании. Просторное помещение казалось слишком большим, чтобы чувствовать себя уютно. Один из столов, взятых оттуда, поставили прямо на камбузе, организовав «некое подобие семейного очага», как выразилась Эвелин. Она уже была там; Герман подошел к жене, обнял сзади, поцеловал в шею.

– На участке спокойно? – спросила она.

– Вроде да, – ответил Герман, опускаясь на стул.

Оба понимали, что даже с помощью самой совершенной техники невозможно в одиночку контролировать территорию сектора, раскинувшуюся от полюса до полюса, с поперечником в две тысячи километров на экваторе. Невозможно хотя бы просто облететь ее за смену. Качество контроля и при полном составе персонала станции оставляло желать лучшего. В ближайших планах УОП до кризиса было увеличение штатов, а вовсе не их сокращение, закупка дополнительного оборудования, чтобы полностью перекрыть несанкционированный доступ в заповедник. Браконьеров, правда, Тихая не особо интересовала, но случалось, заглядывали и они. Проблему посерьезнее представляли всякого рода экстремалы и любители острых ощущений, которым доставляло истинное удовольствие поиграть в прятки со зрителями и ребятами из Службы внешнего контроля Комитета по контактам. Немало хлопот было и с учениками Иванова – несмотря на угрозу дисквалификации, они постоянно нарушали все, что можно нарушить, и то и дело норовили сунуть нос в поселения туземцев. СВК, как служба, находилась в зачаточном состоянии, ее команды не были толком укомплектованы ни в одном из заповедников А-группы, и препятствовать незаконной или неэтичной деятельности «очкариков» должны были главным образом зрители. Короче, забот хватало и раньше, а теперь, когда на каждого зрителя приходился кусок планеты площадью двадцать пять миллионов квадратных километров, задача из сложной превратилась в нерешаемую.

– Послушай, Герман... – Эвелин на секунду прекратила кухонные хлопоты и замерла, стоя к мужу спиной. – Неужели то, что говорят о сокращении четных секторов, может оказаться правдой?

Герман устало вздохнул.

– Я не знаю, Эви, – сказал он. – Теперь, по-моему, все может случиться. Этот наш новый директор, Василиадис – так, кажется, его?... Это тебе не Абдулла Шах, он не будет отстаивать заповедник до последнего. Ты заметила, что он так ни разу и не появился ни на одной из станций? Даже на Главной люди видят его от силы раз в неделю. Сидит в кабинете и со всеми общается по связи. Ему на все плевать кроме собственной карьеры. Так что если речь пойдет о новом сокращении штата и консервации станций, Василиадис вряд ли будет защищать в УОП

чьи-то интересы, помимо собственных. Сейчас везде так. Принципиальные люди, вроде Шаха, уходят, а их места занимают всякие василиадисы.

Эвелин обернулась.

– Но почему именно четные сектора? – Она смотрела на Германа так, как будто он знал ответ или мог повлиять на решения, принимаемые верхушкой Управления по охране природы.

– Понятия не имею. – Поймав жалобный, почти умоляющий взгляд жены, он встал и обнял женщину. – Да ты не волнуйся так, пока это всего лишь слухи. К тому же закрытие четных секторов еще не означает обязательного увольнения всех, кто работает именно на этих станциях, – добавил Герман, надеясь, что довод звучит убедительно. – Три года назад я был только начальником смены в одном из подсекторов, а теперь я начальник всего «Сектора-18», пусть даже мне и не приходится командовать никем, кроме себя самого да вас с Эриком. Кстати, где он? Что-то не спешит сегодня к обеду.

– Я здесь, па! – сообщил Эрик вбегая на камбуз.

– Прошу всех к столу, – пригласила Эвелин.

– Привет, исследователь! – Герман пожал сыну руку и потрепал его по коротко остриженной курчавой голове. – Как успехи?

– Пока неважно, – отозвался Эрик, отодвигая стулья – сначала для матери, потом для себя.

– Не переживай, у тебя все получится.

– Я не переживаю. Профессор Иванов любит говорить, что отрицательный результат – это тоже результат.

– Ты понравился ему, – сказал Герман.

– И он мне, – ответил Эрик. – Замечательный человек, а знает больше, чем киб класса «абсолют».

– Не очень-то завидуй, он старше тебя в несколько раз. А то ты последнее время слишком увлекся гипнообучением... Прошу тебя, не превышай свою возрастную норму. И не забывай давать себе отдых. Новая информация – как пища, сперва должна как следует перевариться.

– Не беспокойся, па, – сказал Эрик. – Я, правда, установил уровень на восемнадцать лет... Но ведь мне уже почти четырнадцать, – не совсем логично закончил он. – По здоровью тестируюсь постоянно, все в порядке. Можешь сам проверить.

– Я верю тебе на слово.

Какое-то время они обедали молча, потом Герман спросил, какие у сына планы на вторую половину дня.

– Дежурю пару часов после обеда, – ответил Эрик, немного помялся и добавил: – Полную смену сегодня не смогу, у меня будут гости.

– Мы и не обязаны дежурить круглосуточно, – сказал Герман. – Что касается тебя, то ты и так хорошо помогаешь нам с мамой... А кто будет?

– Ты ее знаешь, она уже у нас бывала. Катя Сандерс.

– Это та самая симпатяшка, дочка Клайва Сандерса? Я-ясно, а то я все думал – что это ты зачастил на «Сектор-7»? Летаешь туда чаще, чем к Иванову... – Эрик покраснел и неловко заерзал на стуле. – Ну, извини, извини. – Герман поднял вверх обе руки. – А ведь она действительно настоящая красавица.

– Правда, Эрик, она очень милая, – поддержала Эвелин. – Это просто замечательно, что у тебя есть девушка.

После обеда Герман пошел в их с Эвелин каюту, чтобы немного отдохнуть. Эрик раньше жил в каюте по соседству, но год назад переселился на другой уровень жилого блока, и Герман ему не препятствовал. Если мальчику хочется больше свободы и самостоятельности – что ж, пожалуйста. В конце концов, он уже был достаточно взрослым.

Зайдя в комнату, Герман скинул комбез, растянулся на кровати и закрыл глаза. Однако уснуть не удавалось – память навязчиво прокручивала в голове события недельной давности. История с этим Паго Нвокеди подействовала на Германа больше, чем была бы должна. С первого взгляда – просто еще один нарушитель. На деле...

На деле происшествие отдавало чем-то неприятным и непонятным. Вылетев по тревоге, Герман потерял объект поиска уже через несколько минут. Приборы отметили внизу мощный, но быстро затухающий «эффект брошенного камня» со всеми его обычными последствиями. Связь с орбитой пропала, однако восстановилась она быстро; а вот Нвокеди повторно на связь не вышел. Ничего не оставалось, как только идти на предельной скорости к точке, из которой в последний раз исходил сигнал чужого передатчика. К этому времени Эрик сообщил отцу, что катер Нвокеди находится на территории соседнего сектора, у Жемчужного озера. Парень забрался чертовски далеко от него, и непонятно, зачем: на скутерах на такие расстояния обычно не летают.

Прибыв на место, Герман обнаружил непосредственно в районе поиска неопознанный корабль с глухо молчащим маяком, не отвечающий на запросы. Это был катер класса «атмосфера-2», принадлежащий независимому научному центру «Тихая», о чем свидетельствовала эмблема на борту. Оставив свой «Беркут» висеть в воздухе, Герман связался с Клаусом Кнохеном, смотрителем семнадцатого сектора. Тот уже сидел в режиме минутной готовности к вылету, как и смотритель «Сектора-19» Себастьян Реале. Нет, сказал Клаус, никакой путаницы. Корабль с позывным «Клен» совершил посадку на берегу Жемчужного озера позавчера и никуда больше не перемещался – если судить по данным наблюдения, конечно. Да, корабль принадлежит ННЦ «Тихая», и ксенокультуролог Паго Нвокеди действительно взял его с целью провести очередной недельный отпуск в открытом для подобных целей районе заповедника, допуск разрешен.

– Слушай, Клаус, – сказал Герман. – Двигай к озеру и проверь место посадки. Похоже, этот Нвокеди всех надул.

Он опустил еще ниже и снова попытался связаться с чужим катером. Киб-мастер «Беркута», носящий то же имя, тем временем обшаривал локаторами близлежащие заросли.

– Вокруг все чисто, – наконец доложил он. – Если хочешь знать, что там дальше, придется сделать круг.

– Так сделай, – буркнул Герман, хотя чутье ему подсказывало, что дальнейшие поиски бесполезны. Или парень внутри катера, или его здесь вообще нет. Культуролог Нвокеди явно затеял темную игру и мог выкинуть какой-нибудь фокус с SOS-передатчиком, как до этого – с маяком. Герман ни секунды не сомневался в том, что именно Клаус найдет на озере. И – точно.

– Катера нет, Герман, – сообщил Кнохен, когда «Беркут» почти завершил круг с радиусом в полкилометра. – Здесь только палатка, в ней маяк, а к нему прицеплен передатчик и киб-мастер. У киба указание передавать домой, в Центр, и мне, на «Сектор-17», дежурное: «У меня все в порядке». Он в случае чего готов ответить на вызов, имитируя Нвокеди, и информирует всех, кто может оказаться в радиусе десяти километров: «Зона отдыха сотрудника Независимого научного центра «Тихая». Убедительная просьба не беспокоить». Неплохо для новичка.

Последняя фраза означала, что Клаус (как и Герман) уже успел проверить досье приткого культуролога и выяснил, что тот еще ни разу не попался в качестве нарушителя ни Службе охраны заповедников, ни Комитету по контактам. Хотя это и не значило, что Нвокеди в прошлом вел себя примерно.

– Так, – сказал Герман. – После твоего открытия мы имеем дело с явным нарушением, а именно – попыткой ввести в заблуждение службу контроля. Этот парень по роду занятий интересуется туземцами, правильно?

– Ну, насколько я понимаю в званиях ученых, да, – отозвался Клаус.

– Значит, я немедленно поставлю в известность ребят из СВК. Спасательная операция осложняется, придется совмещать ее с расследованием по факту... По факту чего – это уже другой вопрос. Единственное нарушение, которое мы можем считать доказанным, Нвокеди совершил на территории твоего сектора, Клаус, но у меня предчувствие, что главную пакость, ради которой все затевалось, сотворил в моем. Так что пока расследованием команду я, а уж потом разберемся с юрисдикцией.

– Если Нвокеди занимался туземцами, надо свалить дело Комитету по контактам, – предложил слушавший разговор Себастьян Реале.

– Несомненно, мы постараемся, но пока ничего неясно, – сказал Герман. – Давайте оба сюда. Себастьян, возьми оборудование, чтобы вскрыть «Клен»... Эрик, ты меня слышишь?

– Да.

– Покопайся в записях и выясни, как мы могли проморгать «Клен». Радары должны были засечь его и без маяка.

– Я уже. Биологи из Центра готовились проводить плановые исследования в нашем секторе, маршрут не определен – свободный поиск. В последний момент они отменили рейс, а нас в известность не поставили.

– Как всегда. Растяпы.

– Так что Нвокеди даже маскировку не включал. Киб-наблюдатель видел «Клен», но принял его за корабль биологов. – Эрик помолчал и добавил: – Я думаю, маяк у озера Нвокеди оставил не для нас, а для своих. Чтоб Иванов ничего не заподозрил.

– Неплохо соображаешь, супермальчик, – похвалил Герман. – Если не станешь ученым, быть тебе смотрителем заповедника.

Он велел Беркуту подготовить сообщение о ЧП для Комитета по контактам и откинулся в кресле. С помощью роботов-спасателей Герман мог бы и сам проникнуть в «Клен», ведь это всего лишь «двушка», банка консервная, однако решил на всякий случай подождать прибытия Себастьяна с полным комплектом спецтехники. Береженого бог бережет. Девять лет назад, когда Герман был еще стажером Службы, наблюдатели четвертого сектора обнаружили бесхозный прогулочный катер на одном из островов архипелага Гринберга. В нем была бомба, скрытая маскировочными экранами так хорошо, что обычная «просветка» ничего не показала. Один зритель погиб на месте, корабль второго на подходе к острову сбило ударной волной. Случай, конечно, беспрецедентный – мало кто даже из контингента полных психов так ненавидит Службу охраны заповедников. Но тем не менее... Позже Герман признался себе, что его подвела интуиция, – слишком уж он был уверен, что с Паго Нвокеди ничего не случилось, что «культуролог на отдыхе» просто водит их за нос, преследуя какие-то свои цели, и торопиться некуда. Ошибся... Это Герман понял сразу после того, как вместе с Клаусом и Себастьяном попал в шлюзовую камеру «Клена». Нвокеди выглядел просто ужасно, медицинский диагност определил его состояние как тяжелейший энергоинформационный шок. Герман с Клаусом без дальнейшего разбирательства запихнули пострадавшего в переносной реаниматор и отправили на главную базу – узловую орбитальную станцию СОЗ – на прибывшем оттуда корабле. Себастьян вышел из рубки «двушки», недоуменно пожимая плечами.

– Киб катера в том же состоянии, что и хозяин, – сказал он. – Если и удастся что-то из него вытащить, то только не здесь.

– Управлять катером можно? – спросил Клаус.

– Ручное управление в порядке. Сейчас дам знать на Главную – пусть займутся эвакуацией.

– Мы куда-то торопимся?

– Катер так и так отсюда забирать. И желательно при этом не мучаться самим, а напрячь дармоедов с Главной.

– Надо еще найти скутер, – напомнил Герман. – Думаю, найдя его, мы найдем и все остальное. Нвокеди притащил на планету кучу оборудования, далекого по назначению от культурологии. Эрик связался с Ивановым, и старик тряхнул своих биологов. Он уже нашел того, кто дал, а потом отменил заявку на исследовательский рейс. Это приятель Нвокеди – некий Ноэль Кристофер. Он признался, что под честное слово выдал Нвокеди спецкомплект приборов из ксенобиологического арсенала.

– Этому Иванову надо следователем работать, – усмехнулся Себастьян.

– С его анархистами станешь и следователем, и кем хочешь, – отозвался Клаус. – Поехали дальше?

Скутер Нвокеди они нашли в пятнадцати километрах: он висел между деревьями, намертво запутавшись в лианах. Себастьян забрался наверх и подцепил киб-диагностер к инфору машины.

– То же самое, что с Кленом, – сказал он через минуту.

– Что у нас вокруг? – спросил Герман Клауса, который оставался в своей катере.

– Ничего. Несколько крупных животных, судя по биоритмам – гориллы Фостера, все время толкуются рядом.

– Вижу двух из них, – ответил Герман. – Чертовски любопытны – как и всегда.

Неподалеку от скутера, на маленькой поляне, обнаружилась неумело устроенная охотничья засидка. Герман встал возле нее так, чтобы камера на груди комбеза наиболее подробно запечатлела саму засидку, установленную в ней аппаратуру и валяющуюся в траве автоматическую винтовку. Подождал с полминуты и перешел на другую точку, потом на третью. Подошел Себастьян и проверил с помощью киб-диагностера приборы. Поднял глаза на Германа, но ничего не сказал. И без проверки было ясно, что оборудование в том же состоянии, что и остальная электроника.

Потом зрители прошли вперед и остановились перед местом, где Паго Нвокеди устроил бойню. Герман, сам заядлый охотник-любитель, не соглашался с теми, кто считал охоту бессмысленной жестокостью, и не видел ничего плохого в том, чтобы поощрять соответствующие интересы и наклонности сына. В свои тридцать шесть Герман успел добыть множество завидных трофеев, однако всегда соблюдал и закон, и неписаную охотничью этику. А здесь... То, что он увидел здесь, его без преувеличения потрясло. Десять многоногих броненосцев умертвили самым зверским способом. У каждого оказался перебит выстрелом средний отдел позвоночника – долго же они мучились... Один был еще жив. Нет, скорее – одна. Герман подошел ближе. Точно – беременная самка. Она чуть шевельнула головой, из глубины почти мертвого тела вырвался надрывный вздох. Герман достал пистолет.

– Не стоит... – начал Клаус, но Герман так посмотрел на него, что тот замолчал и отступил на шаг.

Конечно, камера все зафиксирует, но... Герман прицелился и добил несчастное животное выстрелом в голову. Очень хорошо, что Паго Нвокеди уже на орбите. И очень хорошо, что здесь нет ни одного крючкотвора из профессиональной следственной группы. Позже эти ребята не преминут напомнить ему, что акты милосердия не входят в обязанности зрителя, проводящего предварительное расследование; что любые действия, способные нарушить общую картину места преступления, не продиктованные острой необходимостью, являются нарушением следственных процедур. Но до этого далеко, и он успеет успокоиться. И тогда у него не будет при себе оружия.

– Кажется, наша миссия здесь завершена, – сказал Герман деревянным голосом, пряча пистолет в кобуру, и посмотрел на Себастьяна: – А на счет технического хлама ты был прав – оставим его работникам Главной. Приберут все и без нашего участия.

Но улететь не получилось. Высоко над деревьями послышалось гудение и на поляне приземлился открытый шестиместный аэроглиссер с эмблемами Комитета по контактам. Стрелок

остался в своем кресле у сдвоенного крупнокалиберного пулемета на поворотной турели, четверо пассажиров и пилот спрыгнули на землю. Все они были буквально увешаны оружием, трое держали в руках биорадары. Как на войну собрались, подумал Герман. Трое с радарными разошлись в стороны и нырнули в окружающие поляны заросли. Двое подошли к зрителям.

– Аркадий Бабурин, – сказал высокий парень с веселыми карими глазами, протягивая Герману руку.

– Кэй Шентао, – представился второй, низенький, с бесстрастным лицом языческого идола.

– Боюсь, для вас тут нет ничего интересного, ребята, – сказал Клаус после взаимных приветствий.

– А мы боимся, что есть, вот и прилетели проверить и успокоить свою душу, – улыбнулся высокий. – Вам же известно, какие мнительные люди работают в Комитете. Чуть что, и нам уже мерещится в любом непонятном случае рука инопланетян. Или мерзавцев, что на них посягают... Поэтому нам совершенно необходимо проверить инцидент с Паго Нвокеди на предмет участия в событиях наших бесценных подопечных.

– Нвокеди – обычный браконьер-научник, – пожал плечами Герман. – Я дал вам знать на всякий случай, поскольку он культуролог. Но туземцев здесь и близко нет, вы же знаете... Или появились?

– Нет туземцев – глядишь, найдется кто-нибудь другой, – ответил низкорослый.

– У Комитета новые интересы на Тихой? – изумленно вздернул брови Клаус. – Неужели нашли еще одну цивилизацию? А ну-ка, расскажите! Вот была бы новость!

– Еще не нашли. Но, надеюсь, найдем. – Высокий снова улыбнулся, и неясно было, шутит он или говорит серьезно. – Если такое случится, вам сообщим первым. А пока посвятите меня в подробности...

Узнав детали произошедшего, Бабурин повернулся к Шентао:

– Похоже, у Нвокеди те же симптомы, что и у прочих пострадавших. Он тоже столкнулся с этими существами. А его оборудование... Киб-мастер... Такие же точно признаки поражения, как...

Он умолк, затем обратился к Герману:

– Мы немедленно свяжемся с руководством СОЗ и лично Василиадисом. Вся техника и аппаратура, эвакуированная из района ЧП или еще подлежащая эвакуации, переходит в ведение Комитета по контактам. Район ЧП объявляется закрытой зоной. Вам троим придется прибыть на главную базу СОЗ для личного доклада на заседании местного отделения Комитета.

Зрители только молча кивнули. Обсуждать было нечего.

Глава 7

«Гранд» приземлился в космопорту «Невада» точно по расписанию, и мне оставалось только пересест с него на подходящий планетарный рейс, чтобы поспеть в Монреаль к полудню.

Старинный особняк Кэт, в котором располагалась наша штаб-квартира, достался ей по наследству от родителей. Она говорила, что ее предки владели этим домом с незапамятных времен, чуть ли не с девятнадцатого века. С тех пор особняк неоднократно достраивался, перестраивался и модернизировался, так что от первоначального варианта вряд ли что осталось. После того, как мы открыли свое дело, Кэт сама предложила разместить офис здесь. Далеко не все организации могли позволить себе роскошь иметь официальное представительство на нашей старушке-планете из-за непомерно высоких цен на недвижимость, поэтому земная прописка считалась штукой престижной и автоматически создавала определенный имидж даже только что основанной фирме. Это было начало, а так как мы все равно большую часть времени между экспедициями толклись тут, то Кэт в конце концов сказала, что нечего дурака валять, перебирайтесь сюда совсем, и отдала в наше полное распоряжение те комнаты, которые мы и без того уже занимали.

Отпустив такси за несколько кварталов от особняка, я прошел оставшееся расстояние пешком. Киб-мастер по имени Эрл тепло приветствовал меня, услужливо распахнув входную дверь. Первым, с кем я столкнулся, когда вошел, был Рик Эдвардс по кличке Малыш-на-все-плевать, или просто Малыш. Красавчик и весельчак, с лица которого не сходила лукавая улыбка, он в свои двадцать шесть успел перепробовать столько профессий, что и одни их названия трудно было бы запомнить с первого раза. Малыш вырос при полуторной гравитации на Иаране, и хоть был почти на голову ниже меня, весил почти столько же и обладал невероятной физической силой и ловкостью. Любимец (и большой любитель) девушек всех цветов кожи, он был на редкость покладист и уживчив, но вечно сидел в долгах из-за своего абсолютного неумения планировать расходы. Самой примечательной деталью его внешности были глаза – они могли менять цвет в зависимости от настроения с небесно-голубого до угольно-черного. Сейчас Малыш был в хорошем настроении.

– Слышал, твоя поездка оказалась неудачной, – с ходу начал он, ероша свои светлые волосы.

– Почему неудачной? – удивился я. – Чудесно отдохнул, встречался с интересными людьми и, самое главное, целый месяц не видел ваших физиономий. Если бы еще Крэйг не портил мне настроение, постоянно выходя на связь...

Мою речь прервало появление Кэт. Ее ангельское личико и хрупкая фигурка создают у людей абсолютно неверное представление о ее утонченности и незащищенности. Она может очень умело поддерживать этот имидж в глазах доверчивых простаков, но такое желание возникает у Кэт редко и всегда только для пользы дела. Во всех остальных случаях образ феи из сказки рушится сразу, как только она откроет рот.

– Ну, рассказывай, в каких притонах ты транжирил деньги фирмы на Безымянной? – хмуро приветствовала меня она.

– Не волнуйся, дорогуша, – отозвался я, целуя ее в щеку. – Это были приличные заведения. Правда, тем дороже обходилось веселье. Истратил всего-навсего столько, сколько лежало у нас на счету, плюс залез в долги, но, клянусь – не больше чем на пару миллионов.

– Господи, какое ты треплю.

– Ты первая начала, я только подыграл тебе.

– Мапочка, я не виноват, это она первая начала... – прохныкала Кэт голосом маленького ребенка. Получилось так натурально, что мы с Малышом покатались со смеху. – Можно поду-

мать, если б я не начала, то ты говорил бы серьезно. Ладно, пойдем, я тут приготовила кое-что к твоему приезду.

На Кэт иногда находило желание самолично пошуровать на кухне, но, в отличие от своей подружки Кристины Мартыновой с ее неизменными пончиками, она умела приготовить великое множество блюд. А вот газовая плита у нее была такая же – допотопное изделие промышленности конца двадцатого века. Неизвестно, где они с Кристиной достали эти раритеты, – может, сообща ограбили какой-нибудь музей.

– Мы ждали тебя час назад, – сказал Малыш. – Опять топал через половину города?

– Зато ты берешь такси даже если надо перебраться на другую сторону улицы, – парировал я, и прошел в свою комнату. Она служила для меня одновременно спальней и кабинетом – впрочем, так заведено у нас всех. Точнее, у всех, кроме Кэт. Спальня Кэт была для нее только спальней – и ничем больше.

– Ты выглядишь ужасно, – проинформировала меня моя киб-секретарша Люси, пока я снимал с руки инфор и засовывал его в приемник.

– Вот знаешь, почему я тебя с собой не беру? – спросил я.

– Знаю! – ответила Люси. – Потому, что хуже меня киб не найти. Потому, что я тебе еще в детстве надоела. И потому, что я тебя заняну.

– Правильно, – похвалил ее я.

– Согласно статистике, только четверть процента граждан Федерации не держит киб-секретаря постоянно при себе, если его имеет, – сообщила Люси. – Ты один из этих оригиналов, но и тут умудрился выделиться: у тебя целых два личных киб, которых ты с собой не носишь. Однако подсознательно ты чувствуешь, что нуждаешься в заботе и участии. Иначе давно поменял бы мне настройки.

– Подсознательно я чувствую, что когда родители решили подарить мне на день рождения тебя, им подсунили бракованный товар, – возразил я. – И у всех остальных из помянутой тобою четверти процента тоже случилась в жизни похожая каверза.

Ну да, у Кэт есть Камилла, у Малыша – Спида, у Крейга – Кальян, а у меня кроме Люси был еще специальный охотничий киб, – но только потому, что мне не повезло с Люси. По крайней мере мне нравилось так думать. Надо же как-то оправдывать свои причуды?

– Сегодня суббота, – сказал я, снимая с уха змейку «связного». – И я не намерен работать раньше понедельника. На Безымянной как всегда нахватал трэша – позаботься о том, чтоб хорошенько прочистить мне мозги. А делать это будешь, пока я сплю.

– Что там? – поинтересовалась Люси.

– Ну как обычно – отчеты и прочая билибердень.

– Поясни, что означает термин «билибердень». Такого я от тебя еще не слышала.

– Это именно то, что ты найдешь у меня в голове сегодня ночью. Постарайся хорошенько, девочка, я не собираюсь превращаться ни в живой справочник по космонавигации, ни в бродячую охотничью энциклопедию. Если за мое отсутствие случилось что-то интересное, подготовь материал к понедельнику.

Люси сказала, что случилось много чего, но она не знает, какого рода информация, представляющая интерес для нее, будет интересна для меня, и попросила уточнений. Я в ответ обозвал ее занудой, вышел из комнаты и спустился в полуподвал.

Там, в просторной кухне-столовой, Кэт уже выгребла из недр огромного шкафа старинный сервиз и теперь расставляла на столе многочисленные тарелки и тарелочки, сурово отвергнув все попытки робота обслуги оказать ей помощь в этом непростом деле. Робот уныло замер в углу; время от времени его сводило судорогой и он менял форму – это заложенные в нем программы безуспешно боролись с жестким запретом хозяйки. Я от души пожалел бедолагу, взял со стола салфетку, скатал ее в шарик и швырнул к дальней стене.

– Ату, «жучка»! – скомандовал я.

Робот радостно рванул вперед, едва успев в последнюю секунду обрулить Кэт, которая шла к столу с двумя салатницами в руках. Она метнула ему вслед такой грозный взгляд, что я бы не удивился, перегори он тут же на месте. Подобрал салфетку и торопливо засунув ее в мусоросборник, робот постоял немного, затем с явной неохотой вернулся в свой угол. Проходя мимо, я ободряюще ему кивнул и заметил, что Кэт смотрит на меня хотя и сердито, но с явным любопытством.

– Интересно откуда у тебя такое отношение к роботам, – сказала она. – Ты относишься к ним как к людям. Сперва я считала это просто дурью, но у тебя, похоже, все серьезно.

– Не серьезнее, чем у моего брата Майка, – ответил я. – Вот он – да... А со мной все проще. Я живу и радуюсь, я непрерывно радовался жизни во всех ее проявлениях с тех пор, как осознал себя личностью, отдельно взятым человеком. И превыше всего в жизни я ценю свободу. А у роботов нет никакой свободы. Радоваться они не могут тоже, поскольку у них нет эмоций. И я им вроде как сочувствую. Майк – другое дело, он хотел реально изменить ситуацию. Ведь если действительно наделять машины эмоциями, как он мечтал, то чем они будут отличаться от нас? Долговечностью, разве что, да еще тем, что способны выполнять любую работу быстрее и лучше чем люди.

На кухню вошел Малыш и сразу же с видимым удовольствием принялся помогать Кэт накрывать на стол. Он парень сугубо современный, даже немного ограниченный в этой своей современности, но у него наблюдалась явная склонность к таким вот домашним посиделкам с привкусом старины. Однажды Малыш даже попытался что-то приготовить на газовой плите Кэт – в результате получилось нечто такое, о чем мы долго не могли вспоминать без смеха.

Я тоже подключился к предобеденной суеде и втроем мы управились быстро. Не хватало только Крейга, отличительной чертой которого было вечно опаздывать, когда все уже собрались.

– Тем хуже для него, – безжалостно заявила Кэт, начиная раскладывать по тарелкам картофельное пюре и отбивные.

– Ты права, нам больше достанется, – охотно согласился Малыш.

В последнюю минуту все же появился Крейг.

– Жаль, что ты пришел, – сказал я. – Мы уже рассчитывали поделить твою порцию.

– Я знал, что вам в этом смысле нельзя доверять, – пожал плечами он, устраиваясь напротив меня.

Крейгу недавно стукнуло шестьдесят четыре, но в его курчавой черной шевелюре не было ни одной седой волосинки, и выглядел он прекрасно. Невысокого роста, худощавый, с быстрым внимательным взглядом и орлиным носом, он был самым осторожным из нас. Всю жизнь он разрывался между страстью к изучению животных и желанием стрелять по ним, и агрессивные устремления неизменно пересиливали научные интересы. Потом на Боадице какой-то монстр порвал его так здорово, что Крейга пришлось сшивать буквально по частям, – на память о том случае у него осталась биотексовая вставка в черепе и протез вместо правой руки, которую так нигде и не нашли. После этого Крейг решил не искушать больше судьбу, вспомнил, что у него есть высшее образование, и если бы не мы с Кэт, спокойно сидел бы сейчас в лаборатории на Калипсо и занимался своей ненаглядной ксенобиологией.

Вначале все занимались только поглощением пищи – готовит Кэт изумительно. Однако по мере опустошения тарелок разговор оживлялся, и когда Малыша потянуло поболтать о Тихой, я даже не особо удивился – уже привык за последние дни.

– Берк связался со мной сегодня утром, – сказал он. – Его выписали неделю назад. Выглядит хорошо. Сейчас занят тем, что набирает ребят для новой экспедиции за рэдвольфом.

– Кто же за ним пойдет, если он в прошлый раз угробил всех своих людей, – фыркнула Кэт.

– Ему, наверно, нужна команда полных психов, раз он первым делом обратился к тебе, – сказал Крейг.

– А его парни что же? – спросил я.

– Все отказались, кроме Чезалпино, – ответил Малыш. – Он сказал, Чезалпино точно пойдет.

– Они с Берком друг друга стоят. Ну а ты?

– Что я? Послал его к черту, конечно. Не собираюсь бросать вас, ребята. Тем более что я еще должен Кэтти восемь штук. Если, конечно, она не простит должок.

– Черта с два я тебе прощу, – пробурчала Кэт с набитым ртом. Потом прожевала и добавила: – А скоро еще и проценты начислять начну.

– Ты ему четвертый год это обещаешь, – заметил я. – И он уже не боится.

– Интересно, к кому Берк еще обратился, – задумчиво протянул Малыш.

– Мне это совсем неинтересно, – отрезала Кэт. – Но если кто-то из вас хочет поучаствовать, я ничего против не имею. Работы у нас нет.

– Не говори глупостей, – сказал Крейг. – Мы открыли фирму не для того, чтобы каждый решал свои проблемы. И знаете что?

Мы втроем уставились на него. Крейг молчал.

– Что? – наконец не выдержал я.

– Мы тут уже все съели, давайте перенесем чаепитие в гостиную.

Кэт сделала вид, что хочет дать Крейгу подзатыльник. Он притворился испуганным и виноватым. Подоспевшая «жучка» организовала из какой-то части своего тела здоровенный поднос, и Малыш принялся расставлять на нем чайные чашки, а я водрузил посредине блюдо с большим вишневым пирогом.

– Вот это жизнь! – сказал Крейг, с нежностью глядя на пирог. – Если ты в ближайшие пять минут не предложишь Кэтти руку и сердце, Пит, так это сделаю я.

Главной достопримечательностью гостиной, несомненно, был камин, который растапливался самыми настоящими дровами. Они здесь и лежали – целая груда буковых поленьев, доставляемых по спецзаказу из третьего сектора Североамериканского лесничества. Мы расселись по креслам, Эрл превратил часть комнаты в мираж тропического леса Гелиады. Как всегда в отсутствие высказанных вслух пожеланий, он включил динамику и склейку с реальностью, поэтому бабочки могли летать по всей гостиной и садиться на спинки кресел. Половину ковра на полу завалило прелыми листьями, а камин оброс лишайниками.

– На Гелиаде нет бабочек, – сказала Кэт, аккуратно сгоняя одну из них со своей чашки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.